

Олег ПЛАТОНОВ

Русское сопротивление

ВОЙНА С АНТИХРИСТОМ

Олег Анатольевич Платонов

Русское сопротивление.

Война с антихристом

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15866957

Русское сопротивление. Война с антихристом: Алгоритм; Москва; 2006

ISBN 5-9265-0286-1

Аннотация

В воспоминаниях известного ученого и писателя, создателя многотомной Энциклопедии русского народа Олега Платонова впервые открываются некоторые страницы тайной войны Запада против России. После долгих лет молчания, вынужденного соблюдением конспирации, автор получил возможность опубликовать важные сведения о деятельности подрывных, антирусских организаций, финансируемых правительством США и их западноевропейскими сателлитами. Десятки зарубежных поездок, встречи с видными деятелями антисоциалистического и антимасонского движения, многолетние исследования в отечественных и иностранных архивах позволили Платонову сделать крупные исторические открытия и находки, развеять ряд мифов, созданных иудейско-масонской пропагандой, чтобы опорочить русскую жизнь. Большое внимание в книге уделено отражению событий, связанных с деятельностью внутренних

врагов России и прежде всего «сионистской партии» и еврейских экстремистов, сеющих национальную рознь и пытающихся возвыситься над народами России. Опираясь на дневниковые записи своих путешествий, автор приводит многочисленные факты чудовищных преступлений еврейских экстремистов в разных регионах страны. В книге переданы впечатления от негласных посещений сатанинских «храмов», масонских лож и подобных им организаций и антирусских сборищ, связанных с разрушительными процессами в нашей стране. История России за последние 50 лет проходит через призму личной жизни автора, творческая деятельность которого была благословлена величайшим православным подвижником XX века митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым). Книга пронизана чувством веры в великое будущее России, в неизбежность ее победы над внутренним и внешним врагами, над всеми силами мирового зла, эпицентром которого сегодня являются США. Русское сопротивление этим зловещим силам, по мнению автора, служит удерживающим фактором международной стабильности и устойчивого миропорядка.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	18
Глава 2	35
Глава 3	55
Глава 4	72
Глава 5	103
Глава 6	130
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Олег Платонов

Русское сопротивление. Война с антихристом

*Посвящается моим детям и всей русской
молодежи, которым предстоит сделать то, что
не успели мы.*

Предисловие

Главное в жизни каждого человека – вера. Только она одухотворяет жизнь и придает ей смысл. Для русского человека вера – это путь к Святой Руси. Все остальное дорога в пустоту, какой бы мишурой, внешним богатством, славой и популярностью оно не обставлялась.

К Святой Руси я шел всю свою жизнь, однако не всегда на этом пути я проявлял последовательность, бывало, спотыкался, серьезно отклонялся от главного. Моя жизнь была богата поисками, путешествиями по России и миру, встречами с интересными, опытными, значительными людьми, разделявшими со мной главные идеи моей жизни.

Я благодарен Богу за то, что он всегда помогал мне идти по этому пути. Я благодарен Богу за то, что встретил на своем пути (наверно, это было неизбежно) великого подвижника Русского православия митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Знакомство с ним в 1992 году осветило ярким духовным светом мое прошлое и окончательно определило мою дальнейшую жизнь.

Только встретившись с митрополитом Иоанном, я понял, что большая часть моей творческой жизни прошла не зря, не утонула в обыденной суете, а наоборот, стала основанием всех моих дальнейших трудов, получивших одобрение в православной среде и благословение авторитетных церков-

ных иерархов.

Главная мысль, которая поразила меня на нашей много-часовой встрече в Комиссии по канонизации святых Православной церкви в 1994 году, что «каждый человек имеет свою историю встречи с Богом и встречи с Дьяволом... И то и другое обыденно, как прогулка в горах возле глубокого озера. Только в первом случае твоя душа воспаряет в небо, а во втором падает с высокого обрыва. Большая часть людей не понимают значения этих встреч, не умеют читать знаки высших сил, духовная неграмотность приводит их на край гибели. Жизнь человеческую нужно воспринимать как поле битвы Бога и Сатаны, Христа и антихриста, добра и зла. Для многих с юных лет жизнь становится поражением, когда, привыкнув ко злу, они покорно плывут по реке обыденности, как духовные трупы, больше всего радуясь материальным благам и комфорту. Эти люди не достойны даже сожаления, так как они не оправдали надежды Спасителя».

Путь к Святой Руси – это прежде всего путь «борьбы со всеми, кто противостоит Богу, прежде всего с черной ратью антихриста – сионистами и масонами, воплощающими собой дух преисподней». «Сегодня Запад, – говорил мне митр. Иоанн, – является прихожей в преисподнюю. Сегодняшняя западная культура построена на богоборчестве и отрицании Христа. Борьба антихриста против Христа является перво-причиной антагонизма между Западом и Россией».

Сейчас, возвращаясь мыслью к тем годам, я ясно осознаю,

что без этих слов великого подвижника я вряд ли бы нашел в себе силы оставить все прежние дела и несколько лет заниматься исследованием масонских документов Особого архива КГБ СССР, в результате которого мною был написан ряд книг по истории иудаизма и масонства, вышедших в серии «Терновый венец России». Само название серии принадлежит митрополиту Иоанну. Благословляя выход в свет первой книги «Тайная история масонства», владыка велел: «...выпустить ее как можно большим тиражом и на все деньги». Митрополиту Иоанну принадлежит мысль использовать в работе не только исторические данные архивов, но и собирать информацию на действующих политических деятелей, осуществляющих свою подрывную деятельность против православной России (Гайдар, Собчак, Старовойтова, Ковалев, Юшенков, Яковлев и др.). По его инициативе и с помощью людей, которых он рекомендовал нам, мы несколько лет собирали досье на современных масонов с привлечением информаторов из разных организаций, в том числе из спецслужб.

Слова митрополита Иоанна стали ключом к моим исследованиям западной цивилизации. Изучая масонские и иудейские архивы, я столкнулся с таким количеством фактов, раскрывающих преступный характер западных государств и общества, ориентации их на захват чужих земель, имущества, геноцид всех непокорных народов! С того момента, когда западная церковь под влиянием иудейской

идеологии отпала от Православия, история Запада приобретает откровенно криминальный характер. Массовые убийства и геноцид целых народов проходят красной чертой через главные события европейской цивилизации – крестовые походы, колониальные захваты, «эпоху Возрождения» и новое время, – логически завершившиеся созданием самой жестокой общественной системы, которая когда-либо существовала на Земле – Соединенных Штатов Америки. США по жестокости превзошли все рекорды геноцида, уничтожив десятки индейских народов, живших в Северной Америке (около 100 млн. человек); миллионы африканцев, используемых в качестве рабов. Только за последние 50 лет Америка убила в агрессивных войнах боле 4 млн человек. Для того чтобы скрыть эти преступления, создавались мифы о гуманизме, свободе и демократии. Реально же эти понятия были применимы, согласно Талмуду, к узкому кругу «избранных». Большинство же людей, не входивших в этот круг, считались стоявшими вне закона. Этими мыслями я делился с митрополитом Иоанном и чувствовал его одобрительное отношение.

Самое же главное – митрополиту Иоанну принадлежит идея создания энциклопедии «Святая Русь», подводящей итоги русской духовности с древнейших времен до наших дней. Первая такая энциклопедия была создана в середине XVI века митрополитом Макарием – «Великие Четыи Минеи». Современному поколению православных людей, счи-

тал владыка Иоанн, следует продолжить эту работу, чтобы открыть перед читателем огромное значение духовных ценностей Святой Руси, высшего достижения христианской цивилизации.

Святая Русь – особое благодатное свойство русского народа, делающее его оплотом христианской веры во всем мире. Жертвенное служение идеалам добра и справедливости, стяжание Духа Святого, устремленность к безгрешности и совершенству и преображению души сделали русских новым Богом избранным народом, но не в смысле противостояния другим народам и стремления господствовать над ними, а в смысле первенства в борьбе с мировым злом, за построение Православного царства.

Святая Русь раскрывается в следующих понятиях:

- духовная цельность – неразрывность веры и жизни;
- добротолубие – критерий истинной христианской жизни и святости;
- нестяжательство – преобладание духовно-нравственных мотивов жизни над материальными;
- соборность – растворение личности в Церкви, государстве, Православном народе;
- патриотизм – любовь к земному отечеству как преддверию Царствия Небесного. После веры в Бога патриотизм – высшее выражение духовности человека.

С началом работы над осуществлением идеи митрополита Иоанна о создании энциклопедии «Святая Русь» для меня

начался новый и главный этап жизни. Мысли, высказанные владыкой, были поддержаны многими старцами, монахами, священниками, православными учеными и предпринимателями. Важный вклад в разработку идей энциклопедии внес митрополит Питирим. И совершилось чудо: то, что совсем недавно казалось мне неосуществимым и неподъемным, стало воплощаться в жизнь молитвами митрополита Иоанна, его последователей и учеников. Работа над энциклопедией увенчала и мою жизнь.

С начала 70-х годов я начал делать записи о своих путешествиях, встречах и событиях, в которых участвовал. В моих записных книжках скопилось большое количество уникальных наблюдений за деятельностью разного рода противников русской цивилизации, членов тайных иудейских и сионистских организаций, масонских лож и спецслужб. По роду своих занятий и исследований мне приходилось совершать негласные посещения тайных обществ – масонских орденов, сатанинских сборищ. Разоблачение перед всем христианским миром подрывной деятельности противников христианской веры – задача православного человека. Как писал Кирилл Иерусалимский: «Знаешь признаки антихристовы – не сам один помни их, но и всем сообщай щедро». Настало время и для меня раскрыть все, что я знал и видел о проявлениях антихриста. Как учил митрополит Иоанн: «Антихрист это реальная политическая возможность нашего времени, грядущий мировой диктатор, дорогу которому сего-

дня прокладывают Израиль, США и другие страны Запада».

Антихрист, дух, помысливший встать против своего Создателя и за это низвергнутый с небес. Как озлобленный и безумный в гордыне раб восстает против господина, так и дьявол, воплощенный в антихристе, стал против всех Законов Божиих.

В духовном понятии антихрист, как воплощенный сатана, – абсолютное зло. В вещественном же – это особый человек. Св. Иоанн Дамаскин (VII в.) указывает: «Не сам дьявол сделается антихристом, но родится человек от блудодеяния и примет на себя все действия сатаны. Ибо Бог, предвидя будущее развращение его воли, попустит дьяволу поселиться в нем. Родившись от блудницы, воспитается тайно, неожиданно для всех объявится и воцарится» (кн. 4, гл. 27).

Явление антихриста связано с иудаизмом. Как говорится в Евангелии, иудеи примут антихриста с великой радостью, уверуют в него как в Мессию, обещанного пророками. Поэтому и сказал Христос, отвергнутый евреями Мессия: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5, 43).

По происхождению своему антихрист будет необрезанный еврей, сперва явится к евреям, а затем привлечет и др. народы. По писанию св. Андрея Кесарийского, антихрист родится от еврейского колена Данова, которое поэтому не причислено к другим 12 коленам.

Ап. Павел указывает: когда будет взят от среды Удержи-

вающий, «тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Сол. 2, 8—12).

По свидетельству св. Ипполита Римского, жившего в I—II вв., «антихрист сперва будет кроток, тих, любезен, нищелюбив, люди будут видеть в нем, в его делах много добродетели и поставят его царем над собой. Они будут рассуждать: «Где мы найдем среди нас более благого и праведного человека?» Евреи будут думать, что восстанавливается их царство. После этого антихрист откроет свое лицо истинное («вознесется сердцем») и станет открыто жестоким, немилостивым и безбожным. Антихрист сделается царем, будет требовать от всех поклонения (всемирный царь) и будет знаменовать своей печатью покоряющихся, а непокорных замучит и убьет».

Армией антихриста станут талмудические иудеи.

«Ваш отец дьявол, — говорил Господь иудеям, — и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца из начала и не устоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое; ибо он ложь и отец лжи» (Ин.

8, 44). Называются иногда дьяволом и детьми дьявола, так же как и сатаню, и люди, по злым качествам душ их (Ин. 6, 70; 8, 44; 1 Ин. 3, 10).

Как писал русский духовный писатель С. А. Нилус, «первый на земле народ, который признал дьявола своим богом и поклонился ему как Богу, был Израиль, ставший чрез то из народа Божия, богоизбранного, каким он был по первородству своему среди сынов человеческих, народом-богоборцем – богоубийцей, Вавилоном – женою любодеицею».

Т. о., тайна беззакония, над которой так деятельно трудился князь тьмы дьявол (Ин. 12, 31; 13, 2, 27), приобрела наконец в лице иудейского народа самую восприимчивую почву, где могло возрасти семя грядущего антихриста. Только в этом народе, превратившемся из народа богоизбранного в народ богоотверженный, только в его безграничной ненависти ко Христу дьявол мог заложить прочный фундамент для своей церкви антихриста. Об этой служебной роли иудейства в осуществлении сатанинских планов говорит и Св. Иоанн Богослов: они «говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2, 9).

Правильно ли рассматривать всех евреев как врагов христианства и пособников антихриста? Совершенно неправильно. Все мы, православные христиане, боремся не с еврейским народом и даже не с отдельными евреями, одурманенными талмудизмом, но против сатанинской идеологии, против антихриста, сделавших часть евреев исполнителями

своих богоборческих планов.

Самая страшная трагедия в истории любого народа – это когда он становится заложником богоборческой, античеловеческой системы взглядов, превращается в тупое орудие претворения их в жизнь. В каждом народе есть люди хорошие и плохие, добрые и злые, искренние и равнодушные. Однако богоборческая, античеловеческая система превращает их в единую организацию, точнее, организованное стадо, ведомое преступными вождями, а на весь народ ложится их вина.

Вот несколько примеров из истории.

В XIII веке монгольские племена стали заложниками чуждой идеологии Чингисхана, превратившего их из мирных кочевников в кровожадных и жестоких завоевателей.

Подобную трагедию испытал немецкий народ, жертва бредовых расистских идей Гитлера, сделавшего из культурной нации банду обнаглевших мародеров и насильников.

Заложником богоборческой, античеловеческой системы большевизма в течение двух десятилетий (1917–1937 гг.) был русский народ, ценой огромных жертв перемоловший большевистскую диктатуру.

Но самым типичным примером идеологического заложничества стала значительная часть еврейского народа, которая уже два с половиной тысячелетия не может преодолеть богоборческое, античеловеческое мировоззрение Талмуда, проповедующего расизм, расовую исключительность,

«особые» права евреев. Идеология Талмуда предопределила многие трагические события в истории человечества, противопоставив евреев всему миру.

Раскрывая содержание и высший смысл борьбы Православия с сионизмом и масонством, я неизбежно касаюсь деятельности представителей отдельных народов и организаций. Это не означает, что у меня есть предубеждение против какого-либо народа. Я твердо слеую указаниям Священного Писания, что у Бога нет плохих народов, а есть люди, противопоставляющие себя Богу, стремящиеся подчинить своей воле народы и человечество в целом. Тайные иудейские сатанинские секты и организации, а впоследствии сионистский режим Израиля сделали немало, чтоб превратить часть еврейского народа в преступное сообщество, стремящееся к господству над всем миром.

Речь идет не о борьбе против какого-либо народа, а о ликвидации правящих элит, создавших преступные режимы вроде гитлеровского или сионистского. Освобождение еврейского народа от тоталитарной диктатуры сионистского режима приведет к неизбежному крушению преступных планов антихриста и торжеству истин Нового Завета.

Не вина, а беда евреев, что иудейские сектанты-талмудисты превратили часть из них в «сынов дьявола», «врагов рода человеческого». Иудейские талмудисты внушают евреям сатанинские чувства избранности, исключительности и вражды к другим народам, тем самым противопоставляя их всему

миру. Только освободившись от притязаний на избранность и исключительность, иудеи смогут найти выход из духовного тупика, в которых их завел Талмуд, и вместе со всеми народами выйти на ту столбовую дорогу, направление которой указал нам Спаситель.

В отличие от иудеев-талмудистов, которые возносят молитвы только за своих «богоизбранных» соплеменников, православные христиане всегда молятся за спасение душ всех людей, живущих на Земле, в том числе и евреев. С этой молитвы я и начинаю свои воспоминания.

Глава 1

Первое родовое воспоминание. – От Дуная до Волги. – Предки по матери. – Труженики и просветители. – Смерть моих прадеда и прабабушки от рук еврейских большевиков. – Первое известие об антихристе

Первое родовое воспоминание славянина связано с Дунаем и Карпатами. Какой-то особой интуицией я ощущал, что Дунай – прародина моих предков. Помню необъяснимо торжественное и сладкое чувство охватило меня, когда ранним утром я ехал в автобусе рядом с Дунаем по равнине Сербии. В русском сознании, отраженном в народных песнях, на Дунай ходят по воду, в нем мочат холсты, почтительно величают его на чисто русский манер «по батюшке» Дунай, сын Иванович. То же чувство, что и на Дунае, я испытывал, путешествуя по Карпатам. Просыпаясь поздно ночью в горах возле глубокого озера, во мне оживало чувство домашнего очага, спокойного уюта.

Не менее сильное родовое воспоминание связано с землями моих ближайших предков. Корни их уходят во Владимирскую (по отцу) и Саратовскую (по матери) земли. Эти места были важными центрами зарождения русского народа. Истовая вера в Бога, напряженный труд, постоянная борьба с завоевателями выковали один из наиболее жизнеспособных

типов великороссов – трудолюбивых, настойчивых, энергичных, уверенных в себе.

Места моих предков по отцу с местами моих предков по матери объединяют великие русские реки Ока и Волга. Недалеко от Вязников, где жили предки по отцу, р. Вязьма впадает в р. Оку, а сама Ока соединяется с Волгой, по которой водный путь вел в землю моих предков по матери в Саратовскую губернию. Активное заселение этих мест началось в XVI в. Сам Саратов служил боевым центром русского государства для наблюдения за движениями ордынцев и истребления их «воровских шаек». Саратовские земли заселялись вольными людьми, способными и напряженно трудиться, и держать оружие. Мои предки по матери (Кузнецовы) пришли сюда не позднее XVII в. и поселились в слободе Баланда Аткарского уезда. Были они старообрядцами, и появление их в этих местах объяснялось, скорее всего, гонениями, которые шли на сторонников старой веры. Первый Кузнецов был кузнец Иван (р. 1700), его профессия дала имя роду. У него было трое сыновей – Михаил, Гаврила и Никифор (р. 1725), которые, по всей вероятности, продолжили кузнечное дело. Однако сын Никифора Василий (р. 1750) разбогател, и с него в роду Кузнецовых пошли купцы Михей, Иван, Михаил (р. 1775). Сын Михаила Андрей (р. 1800), женатый на Евдокии Ивановне, имел от нее двух сыновей Осипа и Василия (р. 1830). С Василия уже могу посмотреть своим предкам в глаза. Сохранилась старинная фотография, на которой

изображен он и его семья. Все одеты в типичные для староросов одежды, лица суровы и замкнуты. С Василия в род Кузнецовых два раза входят представители рода Склешиновых, известных тем, что один из его членов Трофим Гаврилович (XVIII в.) был писарем графа Шереметева. Василий Андреевич Кузнецов женился на Прасковье Склешиновой. От их брака родился мой прадед Афанасий (1856–1918(19?)), женившийся на другой представительнице рода Склешиновых, Наталье Ивановне (1856–1918(19?)), своей четвероюродной сестре. От этого брака родился мой дед.

Места, где они жили, граничили с Донской (казачьей) областью, были по рельефу очень ровные, степные, лежали по берегам реки Медведицы. Лесов здесь почти не был. Земли в основном черноземные, позволявшие получать большие урожаи пшеницы и ржи. Хлеб сплавлялся по р. Медведице к Дону. Крупным торговым центром по торговле хлебом служила как раз слобода Баланда. Именно этой торговлей и занимались купцы Кузнецовы. К концу XIX века в слободе Баланда было 1316 дворов с более чем семью тысячами жителей, 38 промысловых заведений (в основном мельницы и винокуренные заводы), 3 трактира, 28 лавок, несколько базаров, ярмарка. Интересным занятием некоторых жителей слободы была ловля в окрестных степях мелких грызунов – сурков, вытапливание из них сала, выделка их шкурок.

Купеческая деятельность рода Кузнецовых прерывается на сыне Василия Афанасии (1856–1918[1919?]), моем

прадеде¹. Он закончил Казанский университет и поступил на службу по линии Министерства народного образования, преподавал, к концу жизни был смотрителем народных училищ. Афанасий Васильевич воспитал двух сыновей-инженеров: Дмитрия (1896–1962), моего деда, и Алексея (1882–1942) и пятерых дочерей Анну (1877–1943), Лидию (1884–1971), Елизавету (1890–1958), Клавдию (1907–1989), Александру (1893–1971), которые всю жизнь были школьными учительницами. По Табели о рангах мой прадед был статским генералом, от отца ему досталось богатое наследство, семья жила в достатке.

От старообрядцев в семье Кузнецовых вплоть до первой половины XX века сохранялось пренебрежение к внешним удобствам и комфорту, безразличие к стяжанию материальных благ. Чувство христианского долга преобладало над стремлением к личному счастью. Именно эти чувства и составляли основу устойчивости русского государства. Как справедливо отмечал М. Пришвин, вышедший тоже из старообрядцев: «Стыд личного счастья есть основная черта русской культуры».

Именно таким и был мой прадед, человек долга, бесребреник, настоящий консерватор, близкий к кругу купцов Бардыгиных, С. Ф. Шарапову, Н. П. Гилярову-Платонову.

---

¹ Впрочем, в отношении других Кузнецовых я это утверждать не могу, проследить их судьбу мне не удалось. Известно только, что другой сын Василия Егор (р. 1857) имел четырех сыновей.

Последний сформулировал жизненные правила русского человека, которые стали главными для моего прадеда:

«Жизнь есть подвиг, а не наслаждения.

Труд есть долг, а не средство своекорыстия.

Верховный закон междучеловеческих отношений есть всеотдающая любовь, а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей свободой, какой одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев».

Хорошо образованный и начитанный, Афанасий Васильевич Кузнецов сумел избежать модного тогда либерализма. Христианин, считал он, не может быть либералом. Откуда пошел либерализм? Из Англии, а в Англии всю власть жида захватили. Либерализм создало еврейство для утверждения своего господства над миром. Конституция в западном смысле, которую требуют либералы, христианам не нужна, ибо все главные положения для человечества и общества содержатся в Евангелии. Законы для общества должны строиться не по конституции, а по Новому Завету. Прадед мой терпеть не мог либералов за их враждебность к царю, за атеизм и двуличие.

Либерализм, считал прадед, может превратить в преступ-

ника самого честного, самого порядочного человека. В связи с этой его мыслью мне сразу же вспоминаются нравственные мучения Ф. М. Достоевского, которыми он поделился с А. С. Сувориным.

«Представьте себе, – говорил Достоевский, – что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину». Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соизмеряют обстоятельств и своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились бы к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?

– Нет, не пошел бы...

– И я бы не пошел. Почему? Ведь это ужас. Это – преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до Вашего прихода, набивая папиросы. Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины – прямо ничтожные. Просто – боязнь прослыть доносчиком. Я представлял себе, как я приду, как на меня посмотрят, как меня станут расспрашивать, делать очные ставки, пожалуй, предложат награду. Напечатают: «Достоевский указал

на преступников». Разве это мое дело? Это дело полиции. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально?»

По такой логике либерализм был убежищем негодяев и преступников. Именно такое либеральное отношение к цареубийцам сделало русское общество беззащитным перед преступниками и разрушило его. Не боясь преследований либералов, мой прадед выступал за строгое наказание государственных преступников. В нашей семье сохранились сведения, что в апреле 1881 года он присутствовал на казни цареубийц Желябова, Перовской, Кибальчича, Рысокова. Совершив самое страшное убийство, преступники вели себя трусливо, дрожали всем телом, до самого конца ожидали, что их помилют. В момент подготовки казни они хватали палачей за ноги, стремясь хоть на минуту продлить свою подлую жизнь. Ни у кого из присутствующих на казни судьба извергов не вызвала сожаления. Такие же публичные казни государственных преступников, считал прадед, следовало бы проводить и в 1905–1907 годах. Тогда бы страна не пришла к краху 1917 г.

Судя по всему, многие взгляды своего отца разделял и мой дед. Лучшими годами своей жизни он считал учебу в Егорьевской гимназии и приятельские отношения с младшим внуком купца Н. Ф. Бардыгина. Известно, что после 1917 г. младший Бардыгин попал на Соловки, где, вероятнее всего, закончил свою жизнь.

Смерть Афанасия Васильевича и его жены Натальи в разгар Гражданской войны окутаны тайной. Известно только, что они умерли в Егорьевске. Мой дед Дмитрий Афанасьевич и его сестры, конечно, знали, как они умерли, но ничего не рассказывали. Помню, как спрашивал у тети Клаши и тети Лизы о последних днях прадеда и прабабки. В ответ они лепетали что-то невразумительное о трудном времени и об обстоятельствах жизни. Думаю, что если бы прадед и прабабка умерли от голода, болезни или от бандитских налетов, то вряд ли их дети стали бы скрывать причину смерти. Скорее всего они стали жертвой Егорьевской Чека, состоявшей в то время сплошь из евреев, занимавшихся грабежами состоятельных граждан. Есть версия, которую высказывал мой дядя Глеб (сын тети Шуры – Александры), что Афанасия Васильевича с женой взяли в заложники и при удобном случае расстреляли. Все, что им принадлежало – дом, имущество, драгоценности – было конфисковано. Ничего ценного от бывшего достатка в семье не осталось, сохранились только некоторые фотографии. Мой дед в то время учился в Коммерческом училище, позже он закончил Институт народного хозяйства им. Плеханова. Тяжелее всего пришлось его пятерым сестрам. Они в одночасье оказались без крыши над головой. Тем не менее продолжали учительствовать, а самая младшая тетя Клаша готовилась вступить на их стезю.

Только двое из пятерых сестер (тетя Лиза и тетя Шура) вышли замуж, всю жизнь над ними довлела тайна смерти ро-

дителей (вероятно даже, что чекисты взяли с них расписку о неразглашении).

Переехав в Москву, тетя Шура и тетя Лиза вынуждены были скрыть свое происхождение. В 1929 году тетя Шура сумела договориться со священником старообрядческой Введенской церкви в с. Баланда, что она якобы является крестьянкой. По этой справке она получила паспорт.

К политике у теток было отвращение. Разговоров о современных исторических событиях они не поддерживали. И тем не менее в обыденной жизни они были предупредительны и доброжелательны. Стремились помочь родне, хотя возможности у них были очень скромные. Из своей маленькой учительской зарплаты, а позднее пенсии, тетя Лиза и тетя Клаша ухитрились сэкономить, чтобы помочь семье брата. Тетя Клаша, выйдя на пенсию, устроилась работать безвозмездно в библиотеку. Лет за пять до смерти она приезжала в Москву к моей маме. Как-то за чаем мы разговорились, и она рассказала несколько историй из жизни Егорьевска первых лет революции. Хотя она рассказывала их от лица подруги, которой в 1918 году было 14 лет, мне показалось, что эти истории относились к ней самой.

В конце 1918 группа еврейских чекистов проводит обыск в богатой русской семье. Чекисты перетрясают дом, отбирают все ценности. Одежду, лампы, музыкальные инструменты грузят в машину. Ограбив семью полностью, садятся «жрать», вытаскивают все съестное из подпола, заставляют

женщин жарить картошку с луком, выпивают, поют песни на идише, глумятся над «русскими буржуями», пристают к девушкам. Попытка отца семейства образумить насильников вызывает у них ярость. Руководитель чекистов на глазах четырнадцатилетней девушки убивает ее отца, затем насилуют и убивают мать и сестру, а потом насилуют ее саму. Единственной из всей семьи ей оставляют жизнь, потому что она понравилась главарю чекистов. Он делает 14-летнюю девушку своей наложницей. Занимая ответственные посты в ЧК, он переезжает с ней из города в город. Она панически боится его. Он ее по-своему любит.

Занимаясь грабежами при производстве арестов и обысков, чекист приносит ей драгоценности, наряды, меха, но надевать их она может только дома. В одном из городов чекиста убивают. Узнав об этом, малолетняя наложница впервые ощущает себя свободной, поджигает квартиру с награбленным добром и с одним маленьким узелком убегает к тетке в Егорьевск. Там кончает учительские курсы и навсегда замыкается в себе, не способная ни создать семью, ни родить детей.

После смерти теток, перебирая их бумаги, я понял, что, несмотря на страшные события, в которые они были вовлечены, их души не ожесточились, а продолжали излучать привитую с детства доброту и любовь. В бумагах теток я нашел трогательное стихотворение тети Лизы, написанное незадолго до войны, выражавшее ее простую, любящую душу:

Что я люблю

Люблю я лес, люблю я горы,
Люблю я реки и луга.
Люблю небесные светила,
Люблю я сильную грозу!
Люблю встречать восход я солнца,
Люблю вечернюю зарю.
Люблю я трели соловьины,
Люблю я пенье петуха.
Люблю искать грибы в лесу я,
Люблю я ягоды собирать.
Люблю я зайчиков пугливых,
Люблю я хитрую лису.
Люблю березки я кудрявы,
Люблю красивые цветы.
Люблю кататься на лодке,
Люблю сидеть я у руля.
Люблю я гладкие дороги,
Люблю я быструю езду.
Люблю я русские просторы,
Люблю я Родину свою.
Люблю я скромный наш Егорьевск,
Люблю я матушку Москву!

Москва, Москва!!!

Как можно не любить Москву!
Она ведь мать всего народа,
Защита наша от невзгод!
Люблю я Кремль ее старинный
И звон на башенных часах.
И площадь Красную люблю я,
Люблю гулять я по Москве.
Люблю театры и музеи,
Люблю московское метро.
Люблю я станции красивые,
Люблю я шумную толпу.

Что я не люблю

Не люблю я бабских сплетен
И пустую болтовню.
Не люблю я тех, кто всюду
Выставляет свое я,
Не люблю подхалимаж.

Л. К.

Тетя Шура воспитала двух сыновей, воспитала как патриотов. Сохранились письма военного времени, которые ее сыновья писали ей и посылали друг другу. Это письма русских патриотов, уверенных в своей силе и готовых драться с врагом до конца. «Ты, конечно, поймешь меня, – писал

Вениамин своему брату Глебу из военного училища, – поймешь, какие глубокие душевные раны нанесла мне война. Выход только один, только одним способом может быть восстановлено все прошлое. Надо драться за нее. Драться упорно, до последнего, чего бы это ни стоило. Для этого нужно много времени, еще больше усилий, напряженности, но это выполнимо. Скоро я поеду на фронт. Буду рассчитывать с фрицами за все, за всю душевную боль, за неоправданные надежды, за нашу жизнь». Через месяц Вениамин ушел на фронт, присылал он оттуда мужественные, ободряющие близких письма, а летом 1943 г. погиб смертью храбрых.

Конечно, весь ужас, который испытали мои тетки, пронизал и моего деда. Дмитрий Афанасьевич также держался подальше от политики, избегал обсуждения партийных руководителей. Несколько раз пытался заниматься научными исследованиями. Однако жизнь пошла иначе. После окончания Плехановки дед устроился в Исследовательский институт, занимавшийся разработкой военной техники. Обсчитывал экономическую сторону этих разработок. Дорос до начальника планово-экономического отдела, хотя никогда не был членом партии. В 1927 году женился на Ольге Мануиловне Лавровой (1902–1977), от брака с которой родились две дочери и два сына. Бабушка была дочерью инженера-путейца из г. Мелитополя, человека достаточно состоятельного до 1917 г., но также погибшего в огне еврейской революции. Бабушка получила хорошее домашнее образование, а поз-

же закончила Институт иностранных языков, знала немецкий, французский и английский. Всю жизнь проработала учительницей иностранных языков. Незадолго до отставки Председателя Совета Министров Маленкова была приглашена им обучать языкам кого-то из его детей, что не осуществилось из-за падения этого деятеля. Сколько я ее помню, с ней всегда была книга, все свободное время он отдавала чтению, особенно французских романов, которые она брала у писателей из поселка Переделкино – их «оболтусов» (детей – ее выражение) она «натаскивала на языки».

Большую часть времени дед проводил в длительных дальних командировках. Семья часто переезжала. Жили в Серпухове, Салтыковке (здесь родилась моя мать), разных других местах. Перед войной дед в очередной раз пытался уйти в науку. Однако в самом начале германского нашествия был мобилизован, получил звание капитана и стал продолжать работу в институте, но уже как военнослужащий. В 1946 его демобилизовали. Семья, а в ней было уже трое детей, переехала на станцию Баковку – в сухое, здоровое место в 20 км от Москвы. Рядом с Баковкой начинался густой тенистый лес и протекала река Сетунь, в которой водилось много рыбы, служившей хорошим подспорьем в питании местных жителей. До 1917 года здесь было дачное место, после 1917 – го местность облюбовал еврейские большевики. В частности, здесь построил себе дачу видный еврейский большевик, член Политбюро, нарком финансов Г. Я. Сокольников

(настоящая фамилия – Бриллиант Гирш Янкелевич), притянувший сюда довольно большое количество еврейских семейств, оставивших о себе недобрую память. Сокольников, который приехал в Россию вместе с Лениным в plombированном вагоне, был связан не только с немецкой разведкой. Но и с масонскими ложами. Крайне растленный тип, Сокольников превратил свою дачу в центр политических интриг и пьяных оргий с актрисами, воспоминания о чем надолго сохранялись в памяти старожилов. Одна старушка уже в начале 70-х годов, вспоминая о прошедшем времени, называла Сокольникова и его гостей антихристами. «Почему?» – спрашивал я. «Антихристы, жида и все!» – махнула она рукой.

Гостями Гирша Сокольникова были преимущественно соплеменники. По местным слухам, в конце 20-х годов именно на этой даче планировалось свержение Сталина и передача всей власти в России Троцкому, Радеку и Сокольникову. Результатом переворота должна была стать передача всей русской промышленности и торговли в руки еврейских капиталистов и установление абсолютной диктатуры еврейских большевиков. Сталин нанес Троцкому и Сокольникову упреждающий удар, на Баковке прошли многочисленные аресты, сохранившиеся в памяти старожилов еще в конце 50-х – начале 60-х годов.

Итак, в 1946 семья моего деда и бабушки с тремя детьми поселилась на Баковке, в начале в общежитии все в одной комнате рядом с железнодорожной платформой. День и ночь

рядом шли поезда в Германию и обратно, не считая местных составов и электричек. Проезжая станции, поезда оглушительно сигналили, не давая заснуть ни взрослым, ни детям. К тому времени бабушка была беременна четвертым ребенком, существовать в этой комнате стало невозможно. После хождения по инстанциям власти «смиловались» и пошли на «улучшение» жилищных условий семьи. Дед и бабушка получили малюсенький (5 × 5 м) домик, бывшую кухню бывшей барской усадьбы, главное здание которой находилось невдалеке, рядом с Минским шоссе. Интересная подробность, о которой я узнал сравнительно недавно. Менее чем в километре от дедовского домика в годы войны была одна из резервных ставок Верховного главнокомандующего, а позже известная всем дача маршала Буденного.

Значительную часть барской кухни занимала большая русская печь и кладовка с набросанным там разным хламом, среди которого валялись книги на иностранных языках, отдельные тома энциклопедии Брокгауза и – о, ужас! – стенографические отчеты троцкистских съездов, сочинения Зиновьева, Сокольников и других еврейских большевиков. Первое, что сделали дед и бабушка, – затопили летом печь и покидали туда сочинения еврейских большевиков, наблюдая, как в огне корчились обложки с именам и портретами палачей русского народа.

Очистившись от скверны, дед соорудил в бывшей кухне с помощью тонких перегородок три маленькие комнатки, об-

нес домик штaketником. От бывшей роскоши и парка сохранилась липовая аллея и старый вишневый сад. Они украсили жизнь семьи. Все это я хорошо запомнил, так как прожил здесь почти два года (1958–1959).

Спиртного дед почти не употреблял. Окружающим любил давать разные прозвища, часто очень смешные, например Огурцов, Купчиха, Кабаниха, Бараний глаз, Рыбий глаз. Уже после своей болезни (в 1952 в Чите от напряженной работы у него случился инсульт), став инвалидом, дед любил сидеть у крылечка и подолгу беседовать с проходящими по узкому переулочку соседями. Помню его в потертом офицерском кителе и с палочкой в руках. Перед смертью дед почти ничего не мог говорить. Были понятны только отдельные его слова. Именно в это время я впервые услышал слово «антихрист» как выражение чего-то крайне ужасного.

Глава 2

Вязники и Муромские леса. – Предки по отцу. – Патриоты и богомольцы. – Полотняная и лесная промышленность. – Захват нажитого. – Бегство от еврейских большевиков. – Эпоха Сталина. – Отношение к нему моих родственников

Главным водным путем Владимирских земель в той части, в которой жили мои предки по отцу, была река Клязьма. С востока и юга земли моих предков охватывала река Клязьма, к востоку от г. Коврова текла через обширную, ровную, преимущественно болотистую или песчаную, покрытую сосновыми лесами низину, развитую по левую сторону Клязьмы, соединяясь далее с такой же низиной левобережья Оки, где жили мои предки по матери.

По возвышенному правобережью Клязьмы вниз от города Владимира до Гороховца в местах, где родились и жили мои предки по отцу – села Высоково, Мстера, Вязники – господствовал холмисто-овражистый рельеф. Это был край девственных лесов, благоухающих разнотравьем лугов. Высокие холмы, глубокие овраги были очень характерны для этой местности. На одном из таких холмов на берегу Клязьмы в 5 км от нынешних Вязников возник в XII веке город Ярополч. Его основал еще раньше Москвы брат Юрия Долгору-

кого Ярополк Владимирович как форпост Руси на восточном пути кочевников и для усмирения живших в окрестностях этих мест финно-угорских племен гуди, мери, веси, муромы, черемисы, мордвы. Большая часть этих племен мирно слились с русскими, породнившись с ними, приняв их веру и обычаи, оставив память о себе только в географических названиях. Недалеко от Ярополча стоял еще более древний город Муром. Он упоминался в летописи в 862 году, однако славяне жили здесь еще до официального возникновения Ростово-Суздальской Руси. В начале XIII века мирный труд моих предков был остановлен татаро-монгольскими кочевниками. Дикая орда, пользуясь численным превосходством, захватила эти земли, сожгла и уничтожила Ярополч и Муром, убив многие тысячи мужчин, увела в рабство женщин и детей. Чтобы спасти себя, многие жители ушли в леса. Память об этой трагедии из уст в уста сохранялась в десятках поколений русских и вне всяких школьных учебников рассказывалась мне моей бабушкой.

После татарского разгрома русские города строились чаще всего на новом месте. На новом месте был построен и Ярополч, ставший ядром исторических Вязников. Долгие годы Ярополч служил крепостью на Клязьме по пути на восток. В 1612 году через Япоролч прошло народное ополчение Кузьмы Минина и князя Пожарского освободить Москву от польских оккупантов. Слова «татарва» и «ляхи» для окрестных крестьян были синонимами врага, но не просто

неприятеля, а врага веры. Ненависть к ним, помню это по реакциям моей бабушки и деда, носила священный характер. Так же они относились к библейским извергам. Вспоминаю, как дед, когда я что-то неправильно говорил, неправильно излагал свои мысли, сердился и кидал фразу: «Ты что, татарин?» Поляков дед и бабка считали предателями веры православной. Помню, бабушка доказывала мне, что раньше поляки придерживались православной веры, а потом изменили ей и стали служить врагам Христовым. Так в народном сознании, вероятно, отразилось стремление польских захватчиков закрыть Христовы церкви и ввести еретический католицизм.

Главным врагом русских в православном сознании моих предков (сужу по высказываниям моих бабушки и деда) были «жиды». К своему счастью, вплоть до 1917 они настоящих евреев почти не знали. Места, где жили мои вязниковские предки, для евреев не были прибыльны. Вязниковцы знали о жидах только по Библии, считали их самыми главными врагами веры, народом-богоубийцей, который должен постоянно каяться в совершении им самого страшного преступления всей мировой истории Бабушка рассказывала, что некоторые вязниковцы, хотя со святой ненавистью относились к евреям, вместе с тем жалели их как несчастных, вынужденных нести несмываемое проклятье, наложенное на их предков. Вместе с тем пустить жида в дом и тем более усадить за свой стол считалось позором.

Родители моего прадеда по матери отца пряли лен, выделявали из него холсты, женщины вышивали по льняному полотну. От моей бабушки сохранился целый чемодан таких вышивок. Многие соседи занимались разными промыслами: валянием шерсти, скорняжеством, выделкой овчин, полушубков и шуб. На всю Россию в Вязниковском уезде славилась вишня, особенно так называемая «родительева», которая шла на приготовление настоек и наливки.

Вязниковский уезд на всю Россию славился своими иконописцами. В окрестных селах Мстера, Холуй, Палех эти промыслы занимали около 2 тыс. человек, расписывалось до 1800 икон в год. Вozы с иконами расходились по всей России. Особенно ценилось палехское письмо.

В каждом вязниковском доме было по нескольку икон. Бабушка рассказывала, что у них стоял большой угловой иконостас в золоченой раме. Каждое воскресенье и во все праздничные дни ходили в храм. Тех, кто избегал церкви, крестьяне не любили и не доверяли им, считали их «чужими, пустяжными людьми». Большая часть жителей Вязников и уезда были благочестивы. Церковь и община (в Вязниковском уезде было 246 общин) определяли всю жизнь людей. Раз в несколько лет жители совершали паломничество по святым местам и монастырям Владимира, Суздаля, Муром. Пренебрегала паломничеством «всяка пустельга и лодыри». Шли пешком с котомками за плечами, на ночь останавливались в деревнях, а с утра снова шли день за днем. Среди жителей

Вязниковского уезда было широко распространено почитание Серафима Саровского задолго до его официальной канонизации в 1903 году. Бабушка вспоминала, как в Саров и Дивеево ходили ее отец и дяди. В семье долго хранились бу-мажные иконки с этих мест, одну из которых она попросила положить в свой гроб. Мне бабушка передала икону Ивер-ской Богородицы. Для нее этот образ Богородицы был самым главным. Им ее благословили на венчание, с ним она про-шла всю жизнь, а сейчас он висит у постели моей дочери. 6 июля в Вязниковском уезде особенно пышно празднова-ли Чудотворную Икону Владимирской Богородицы, а через день – святых Петра и Февронии, историю которых в Вязни-ках и окрестных деревнях с детства знала каждая девушка. Впервые об этих святых я узнал именно от бабушки. Исто-рия Петра и Февронии отражает поэтичный дух и житейскую мудрость жителей этих мест и заслуживает особого внима-ния, так как служит духовным ключом к пониманию миро-ощущения моих предков.

Преподобный Петр был младшим братом княжившего в г. Муроме благоверного Павла. Однажды в семье Павла слу-чилась беда – по наваждению дьявола к его жене стал летать змей. Горестная женщина, уступившая демонской силе, обо всем поведала мужу. Князь наказал супруге вывести у зло-дея тайну его смерти. Выяснилось, что погибель супостату «суждена от Петрова плеча и Агрикова меча». Прознав об этом, князь Петр тотчас решил убить насильника, поло-

жившись на помощь Божию. Вскоре на молитве в храме открылось, где хранится Агриков меч, и, выследив змея, Петр поразил его. Но перед смертью змей обрызгал победителя ядовитой кровью, и тело князя покрылось струпиями и язвами.

Никто не мог исцелить Петра от тяжелой болезни. Со смирением перенося мучения, князь во всем предался Богу. И Господь, промышляя о Своем рабе, направил его в рязанскую землю. Один из юношей, посланных на поиски лекаря, случайно зашел в дом, где застал за работой одинокую девушку по имени Феврония, дочь древолаза, имевшую дар прозорливости и исцелений. После всех расспросов Феврония наказала слуге: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Князя, который сам ходить уже не мог, привезли к дому, и он послал спросить, кто хочет его вылечить. И обещал тому, если вылечит, – большую награду. «Я хочу его вылечить, – без обиняков ответила Феврония, – но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне лечить его». Петр пообещал жениться, но в душе sluкавил: гордость княжеского рода мешала ему согласиться на подобный брак. Феврония зачерпнула хлебной закваски, дунула на нее и велела князю вымыться в бане и смазать все струпы, кроме одного.

Благодатная девица имела премудрость Св. отцов и назна-

чила такое лечение не случайно. Как Господь и Спаситель, исцеляя прокаженных, слепых и расслабленных, через телесные недуги врачевал душу, так и Феврония, зная, что болезни попускаются Богом во испытание и за грехи, назначила лечение для плоти, подразумевая духовный смысл. Баня, по Свящ. Писанию, образ крещения и очищения грехов (Еф. 5: 26), закваске же Сам Господь уподобил Царствие Небесное, которое наследуют души, убеленные баней крещения (Лк. 13: 21). Поскольку Феврония прозрела лукавство и гордость Петра, она велела ему оставить несмазанным один струп, как свидетельство греха. Вскоре от этого струпа вся болезнь возобновилась, и князь вернулся к Февронии. Во второй раз он сдержал свое слово. «И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая Божии заповеди».

После смерти брата Петр стал самодержцем в городе. Бояре уважали своего князя, но надменные боярские жены невзлюбили Февронию, не желая иметь правительницей над собой крестьянку, подучивали своих мужей недоброму. Всякие наветы пытались возводить на княгиню бояре, а однажды взбунтовались и, потеряв стыд, предложили Февронии, взяв, что ей угодно, уйти из города. Княгиня ничего, кроме своего супруга, не желала. Обрадовались бояре, потому что каждый втайне метил на княжье место, и сказали обо всем своему князю. Блаженный Петр, узнав, что его хотят разлучить с любимой женой, предпочел добровольно отказаться

от власти и богатства и удалиться вместе с ней в изгнание.

Супруги поплыли по реке на двух судах. Некий мужчина, плывший со своей семьей вместе с Февронией, засмотрелся на княгиню. Святая жена сразу разгадала его помысел и мягко укорила: «Почерпни воду с одной и другой стороны лодки, – попросила княгиня. – Одинакова вода или одна слаще другой?» – «Одинакова», – отвечал тот. «Так и естество женское одинаково, – молвила Феврония. – Почему же ты, позабыв свою жену, о чужой помышляешь?» Обличенный смутился и покался в душе.

Вечером они причалили к берегу и стали устраиваться на ночлег. «Что теперь с нами будет?» – с грустью размышлял Петр, а Феврония, мудрая и добрая жена, ласково утешала его: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех, не оставит нас в беде!» В это время повар принялся готовить ужин и, чтобы повесить котлы, срубил два маленьких деревца. Когда окончилась трапеза, княгиня благословила эти обрубочки словами: «Да будут они утром большими деревьями». Так и случилось. Этим чудом она хотела укрепить супруга, провидя их судьбу. Ведь коли «для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет» (Иов. 14: 7), то человек, надеющийся и уповающий на Господа, будет иметь благословение и в этой жизни, и в будущей.

Не успели они проснуться, приехали послы из Мурома, умоляя Петра вернуться на княжение. Бояре поссорились

из-за власти, пролили кровь и теперь снова искали мира и спокойствия. Блж. Петр и Феврония со смирением возвратились в свой город и правили долго и счастливо, творя милостыню с молитвой в сердце.

Когда пришла старость, они приняли монашество с именами Давид и Евфросиния и умолили Бога, чтобы умереть им в одно время. Похоронить себя завещали вместе в специально приготовленном гробу с тонкой перегородкой посередине.

Они скончались в один день и час, каждый в своей келье. Люди сочли нечестивым хоронить в одном гробу монахов и посмели нарушить волю усопших. Дважды их тела разносили по разным храмам, но дважды они чудесным образом оказывались рядом. Так и похоронили святых супругов вместе около соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, и всякий верующий обретал здесь щедрое исцеление.

Через 10 дней после празднования Петра и Февронии, рассказывала бабушка, в селе Высоково молились святому Андрею Боголюбскому. В Введенском храме хранился старинный образ этого умученного жидами святого, который, по словам митрополита Санкт-Петербургского Иоанна (Снычева), был «русским властителем, почувствовавшим себя не просто владельцем земли, а Божьим слугой, попытавшимся воплотить в жизнь идеал христианской государственности».

Еще одним священным преданием Вязников была исто-

рия об Илье Муромце, былинном богатыре, национальном герое, канонизированном Русской церковью. Мне запомнился рассказ деда о том, как он ездил из Вязников в Муром (расстояние километров 30), ему показывали, где стоял дом, в котором Илья Муромец просидел тридцать лет и три года и откуда пошел на служение Руси в Киев. На полном серьезе дед рассказывал мне, что лично знал потомков Ильи Муромца, людей богатырского сложения по прозвищу Большие Пушины (Большие Гушины). Илья Муромец воплощал русский идеал – он был добродушным, чуждым зависти и недоброжелательства, готов был жизнь положить за правую веру против идолищ – татар и жидов, к жестким действиям прибегал только в крайних случаях. В начале XX века героический образ Ильи Муромца использовали в детских играх. Самый сильный и авторитетный мальчик объявлялся «богатырем Ильей Муромцем». Остальные мальчики должны были «биться» с ним или подчиняться.

Царская власть в Вязниковском уезде почиталась высоко. Бунтовщиков и агитаторов против царя крестьяне задерживали, связывали веревками по двое и вели в полицию. Некоторых перед этим секли «для порядку» перед портретом царя. Так, в мае 1905 рабочие высекли нескольких зачинщиков, мутивших рабочих, призывая их к забастовкам.

К концу XIX века в Вязниковском уезде было 17 фабрик, главным образом ткацких. Самая большая в деревне Ярцевой – огромная льнопрядильная Товарищества Демидова

(около 2 тыс. рабочих). В самих Вязниках стояла фабрика бывших крепостных Сеньковых. Изделия завоевывали медали и дипломы на известных международных выставках в Париже и Чикаго. На фабрике работало почти полгорода. Сеньковы много строили, открыли при своей фабрике начальную школу, содействовали открытию в Вязниках мужской и женской гимназий. Себе Сеньковы построили дом в 60 комнат на Яропольческой горе. В городе жизнь Сеньковых стала легендой, о них ходило множество слухов и небылиц. Среди женской части Вязников особенно популярны были рассказы об амурных похождениях одного из Сеньковых – Сергея Ивановича. Бабушка рассказывала, что для одной из своих подруг он построил каменный особняк, в котором устраивал шумные загулы. Тем не менее были известны случаи, когда Сеньковы помогали людям, попавшим в трудное положение. Сеньковы демонстративно отказывались помогать бедным от лени и нежелания работать. Бабушка с юмором рассказывала, как Сеньков взашей прогнал из своего дома одного будущего красного комиссара, бывшего работника фабрики, пытавшегося шантажировать фабриканта. Впоследствии именно этот злопамятный лодырь был в числе первых, кто пришел захватывать фабрику, в короткий срок разорив ее.

Как деловые люди Сеньковы были авторитетом для всех вязниковских предпринимателей, среди которых был мой прадед Григорий Данилович Шмыров (1860–1938). Он владел небольшой ткацкой фабрикой в родном селе Высоково.

В деле с ним, вероятно, были и два его родных брата Василий и Никита (умер в 1951). Шмыровы имели несколько больших домов, но все жили своим трудом. Григорий Данилович с женой Ириной Ильиничной (1865–1928) имели шестерых детей – Никанора (1883–1917), Анастасию (1885–1932), Наталью (1888–1864), Марию (1892–1979), Алексея (1902–1963) и мою бабушку Пелагею (родные называли ее Полиной или Полей) (1900–1982). Никанор был надеждой Григория Даниловича, но его забрали на войну с Германией, откуда он вернулся в цинковом гробу. Хоронили его как национально-го героя, на похороны обратились жители со всех окрестных деревень. Бабушка много раз рассказывала мне о брате Никаноре. У него был хороший характер, его все любили. После него осталось четверо детей.

Рядом с Высоково находилась деревня Беляниха, где жила семья лесопромышленников Платоновых. Гаврила (умер в 30-х) и Матрена имели семерых детей – Федора, Михаила, Алексея, Сергея, Дмитрия и моего деда Ивана (1883–1964). Все мужчины в семье занимались лесозаготовками и торговали лесом. Много работали, жили зажиточно. Дед в молодости любил погулять. От девушек у него отбоя не было. Но из всех он выбрал Полину Шмырову. Встречи переросли в серьезное чувство. Бабушка мне рассказывала, что молодежь собиралась возле деревни Высоково. Пели, танцевали. Иван приходил с друзьями. Один из них играл на гармонии. Сам Иван бил в бубен. В 1918 Иван и Полина поженились. От это-

го брака родились четверо детей – Ольга, Мария, Николай и самый младший – мой отец Анатолий (1924–1980). До войны дед с бабушкой жили хорошо. В войну они надолго разлучились – деда направили на организацию заготовок леса для нужд фронта. После войны они фактически разошлись (не оформляя развода). Дед встретил женщину гораздо моложе его и увез ее с собой. Работал директором леспромхозом на Севере. После выхода на пенсию поселился вместе со своей новой подругой в Ярославле. Рассказывают, что у них были дети.

Впрочем, это было уже потом, а в 20—30-е годы дед и бабушка писали друг другу письма, полные любви. Жизнь кругом рушилась. Незыблемой оставалась земля. Родители и бабушка с дедом были разорены большевиками, все их имущество было конфисковано². Григорий Данилович с женой, чтобы избежать ареста, вынужден был бежать из родных мест и почти два десятилетия жил попеременно у своих четырех дочерей (чаще всего у Марии). Братьев Григория Даниловича, которые вовремя не уехали, некоторое время продержали в тюрьме, отобрали их дома, а после тюрьмы разрешили поселиться в подвальной комнате здания, где раньше была их фабрика. Весной подвал затапливало, их кровати стояли в воде. Почти такая же судьба была у родителей де-

---

² Перед конфискацией бабушке удалось вывезти настенные часы, кое-что из семейной мебели – стол на витых ножках и два кресла, а также чемодан с полотном и вышивками, которые производились на родительской фабрике.

да. Они тоже вынуждены были уехать из родных мест, скитались, как бомжи, перенося все свое имущество в заплечном мешке.

Мои дед и бабушка, не дожидаясь репрессий, переселились на станцию Мстера. Дед работал бригадиром на лесозаготовках. На станции Мстера родился мой отец. В начале 30-х тучи над их головами стали сгущаться. Местным властям поступил донос о том, что дети бывших фабрикантов могут совершить вредительство. Не дожидаясь ареста, дед и бабушка быстро собрали свои вещи и навсегда уехали из этих мест. Поселиться они решили в Одинцове Московской области, где жил один из приятелей деда. От отца бабушке осталось несколько золотых вещей, их продали, добавили сбережения деда и купили здесь небольшой домик в 300 метрах от станции между железной дорогой и Можайским шоссе. Чтобы прокормить детей, бабушка завела корову и кур.

Место это упоминалось в летописях еще с XIV века и было связано с именем боярина великого князя Дмитрия Донского Андрея Оди́нца, принадлежало оно известному родственнику царя Алексея Михайловича Артамону Матвееву и его наследникам, а потом графам Зубовым, князьям Мещерским. Имена этих государственных деятелей по рассказам на уроках истории стали первыми, заинтересовавшими меня образами богатой русской истории. Учитель истории был очень интересный человек, увлеченный краеведением Одинцова. Он один из первых возбудил у меня любовь к рус-

ской истории и к этим местам. Особенно он много рассказывал об Отечественной войне 1812 год. Одинцово тогда было оккупировано корпусом Иоахима Мюрата. Французы вели себя нагло и бесцеремонно, отбирали провизию, приставали к женщинам. Мужчины собирались в партизанские отряды и убивали оккупантов. А они в отместку сжигали дома и расстреливали мирных жителей. Зверства французов были таковы, что население Одинцова сократилось на треть. Французы оставили в Одинцове недобрую память о себе и множество «французских могил», розыском которых я впоследствии занимался вместе с друзьями, чтобы добыть оружие.

Хорошую память о себе в этих местах оставили фабриканты Якунчиковы. Они построили здесь кирпичный завод, дома для рабочих, больницу. Дед и бабушка застали Одинцово еще как большое торговое село, сохранившее остатки местной ярмарки, которая проводилась в престольные праздники Петра и Павла (с 28 по 30 июля). Поэт В. Брюсов, живший в Одинцове на даче, вспоминал, что ярмарка проводилась на площади возле церкви сразу же после торжественной литургии. Местные крестьяне торговали здесь изделиями своих промыслов. Жители соседнего села Лайково делали замки, фонари, кружки. В Перхушково был развит портняжный промысел. Акуловские крестьяне привозили на ярмарку свои деревянные игрушки, точили шашечные и шахматные фигуры, шарики для лото. Взрослых и детей привлекали карусели, качели и цирковые балаганы, народные теат-

ры.

Все это было разрушено большевиками – сначала закрыли и разобрали церковь, потом запретили проводить ярмарки, устроив обычный рынок без всяких представлений и забав. Тем не менее окрестности Одинцова оставались по-прежнему привлекательны – вокруг рос лиственный лес, рядом с кирпичным заводом сохранялись два чистых пруда, края которых были облицованы камнем (остатки этой облицовки застал даже я), недалеко было большое озеро, в прудах и озере было очень хорошо купаться, ловилось много карасей.

До войны мой отец закончил Боровский техникум землестроительства и мелиорации. В первые дни войны пошел записываться в летное училище. Но по возрасту не прошел и был направлен военкоматом на авиационный завод в районе Кубинки. Там до конца войны он прослужил механиком при испытании новых самолетов, отвечал за исправность двигателей. Испытания проводились в разных местах, чаще всего в Казахстане. Перелеты, в которых он участвовал, были не только по СССР, но и в Иран и в Чехию. В Праге на аэродром, на который сел их самолет, было совершено нападение отрядов власовской армии. Всем, в том числе техническому персоналу, к которому принадлежал мой отец, выдали оружие и в течение более двух часов отбивались от предателей, целью которых был захват самолетов для бегства от советских войск. В этом бою отец был серьезно ранен. Но подошло подкрепление. Власовцев окружили. Приказ был живы-

ми предателей не оставлять. Два месяца отец провел в госпитале. В апреле 1946 года отец вступил в КПСС, причем главными его соображениями, как он рассказывал позже, были патриотические. В годы войны, рассказывал мне отец, партия стала русской патриотической силой. Многим тогда казалось, что грядут положительные для русского народа изменения.

Бабушке Поле нравилось, что Сталин уничтожил всю верхушку еврейских большевиков. Она видела в этом хороший знак и тоже ожидала перемен к лучшему.

В 1948 году мой отец женился на моей маме – два рода моих предков слились воедино, дав 11 января 1950 года жизнь мне. Год моего рождения был временем великих патриотических ожиданий, началом русского духовного возрождения. Великая победа русского народа над Германией доказала Сталину, что стабильность государству может обеспечить только русский народ (включая малороссов и белорусов). Сталин проводит реорганизацию государственного аппарата на основе восстановления его преемственности с дореволюционной Россией, осуществляет национальную реформу государственной сферы, вытеснив из нее космополитические кадры, порожденные еврейским большевизмом, производит «чистку» среди своих прежних соратников по большевизму, полностью порвав со своим преступным революционным прошлым, подготавливает новую государственную элиту в основном из русских людей.

Переименование из наркоматов в министерства, введение форменной одежды для чиновников некоторых ведомств, образование Судов чести по типу офицерских и ряд других подобных мероприятий во многом возродили традиционное содержание русского государственного аппарата. Реформы возвращения к прошлому происходили не только в центре, но и на местах. Сталин довольно смело реформирует и местные органы власти.

В знаменитой речи от 9 февраля 1946 годы на выборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы Сталин впервые после 1917 года не сказал ни слова о советской власти, ни слова о социализме, но с полной откровенностью определил новое место коммунистов в обществе – «полное стирание граней» между членами ВКП(б) и остальными гражданами. Таким образом, как бы официально объявлялось о завершении противостояния партии и русского общества. Да и партия была уже не та. К лету 1947 года в ней состояло 6,3 млн. членов и кандидатов, из которых 75 % вступило в годы войны или после нее. Преобладающую часть этих людей составляли русские патриоты, доказавшие свою преданность Родине на поле боя.

Сталин установил список должностей, которые предпочтительнее отдавать русским. Сюда входили должности командующих военными округами, начальников гарнизонов и пограничных отрядов, министров МГБ республик, министров внутренних дел, руководителей железных дорог и воз-

душных линий, министров связи, директоров предприятий союзного значения.

В партийных организациях союзных и автономных республик Сталин создал институт вторых секретарей партийных комитетов – русских, которые назначались из Москвы. Из числа русских подбирались люди на должности заведующих ведущими отделами ЦК.

Такое же правило распространялось и на Советы Министров союзных и автономных республик, где первые замы непременно были русскими.

«Если б Сталин еще лет десять поправил, – убеждал меня в 1995 году писатель В. А. Солоухин, – он бы короновался. Все шло к тому: народ его любил, враги боялись и уважали, авторитет огромный». Солоухин мне рассказывал, что когда служил в кремлевском полку, незадолго до смерти Сталина, то сам видел, как в Кремле старательно обновляли старые царские регалии и двуглавых орлов. В полку были солдаты, которые видели, как Сталин крестился на кремлевские соборы. Конечно, путем воссоздания православной монархии Сталин мог бы спасти себя и еще сильнее укрепить страну. Вне этого решения он был обречен. Трагедия Сталина состояла в том, что, поднявшись до высот русской государственной точки зрения и мысля категориями национальных интересов Русского народа, он все-таки не смог соединиться с Православием (хотя где-то и был близок к этому) и до конца своих дней не сумел окончательно вырваться из своего боль-

шевистского окружения. Развязав руки антирусской группе Маленкова – Берии – Хрущева, Сталин фактически позволил им расправиться с лучшими русскими кадрами в руководстве страны и тем самым подписал себе смертный приговор.

Глава 3

Рождение на Урале в Екатеринбурге³. – Крещение у старообрядцев. – Жизнь в Прионежье в Плесецке. – Возвращение в Москву. – Без квартиры и имущества. – Первые открытия. – Поиски кладов и «французские могилы». – Первое знакомство с еврейским вопросом

Весной 1949 года отца направили на работу главным инженером на завод Главлесбуммаш в Екатеринбург. Маме ехать туда очень не хотелось, она была беременна, чувствовала себя неважно. Врач не советовал. Однако по тем временам отказаться от назначения было невозможно. Вначале отец и мама разместились в центре города на Московской ул. на частной квартире. Здесь я и появился на свет. Мама рассказывала, что недалеко от нашей квартиры находился Харитоньев дом – легендарное место, связанное со злодеяниями уральских откупщиков – евреев. Среди местных жителей ходило множество легенд, что в его подземелье чеканили деньги. В доме существовало несколько потайных старообрядческих молелен, одна из которых помещалась под куполом, ближайшим к саду. Ходили также слухи, что в одной из комнат дворца заседала масонская ложа. Летом 1950

---

³ Тогда он еще носил имя палача русского народа Янкеля Свердлова – Свердловск.

к нам в гости приехала любимая сестра отца, тетя Марина (1920–1994), в дальнейшем помогавшая мне много по жизни. Она попыталась вместе с мамой окрестить меня в ближайшей церкви. Однако священник не осмелился этого сделать без документов отца, а предоставление их могло грозить отцу крупными неприятностями, вплоть до увольнения с работы и исключения из партии. Партийная и советская администрация города была ужасна, тон в ней задавали преступники – еврейские большевики, участвовавшие в убийстве Царской семьи и гордившиеся этим. Тень ритуальных преступлений витала над городом. Отец застал еще музей цареубийства в Ипатьевском доме и вечно пьяного П. Ермакова, одного из цареубийц, водившего по музею экскурсии пионеров, хвастливо рассказывал им о своем «подвиге». Как вспоминали мои родители, совершенно опустившийся и презираемый нормальными людьми Ермаков однажды в 1952 году был найден мертвым в канаве с «початой чекушкой в одном кармане и закуской в другом». «Героя» похоронили возле памятника «героям» гражданской войны и, к возмущению местных жителей, власти назвали одну из улиц Екатеринбурга именем преступника.

Через год после приезда в Екатеринбург родители получили квартиру в двухквартирном доме на улице Колхозников, недалеко от завода отца в Елизавете. Когда-то здесь находилась обширная сельскохозяйственная заимка Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря, матушки

которого снабжали продуктами питания Царскую семью. В одном из маленьких домиков в Елизавете доживали свой век две старицы из этого монастыря, прошедшие тюрьмы и ссылки, они одни из первых заговорили о том, «что будет еще время, когда царя и царицу признают святыми». Об этом в 70-х годах рассказывала мне бабушка Поля, беседовавшая с ними осенью 1953 года. Бабушка гостила у нас месяца два, поставив своей целью окрестить меня. Так как православные батюшки отказывались это делать без документов, она через стариц вышла на старообрядцев, имевших в окрестностях Елизаветы тайную молельню и попа с антиминомом, из ссыльных. Батюшка совершил обряд по-старинному, сказав, что «он истинен». Однако бабушку многие годы мучили сомнения. Уже в зрелые годы она посоветовала мне креститься еще раз. Во время одного из путешествий по Владимирской области я расспросил о сомнениях бабушки у священника. Он же сказал мне, что старообрядческое крещение истинно, но совершил надо много дополнительный обряд и миропомазание.

Неистребимый дух еврейских большевиков отравлял жизнь моих родителей. Партийные и советские власти пытались втянуть отца в незаконные махинации, и, чтобы избежать их, он попросил своего московского руководителя перевести его на другую работу. Ждать пришлось довольно долго. Но вот летом 1954 года мы собрались в дорогу. Вещей было мало – немного одежды и коробки с книгами. Перева-

лив «Каменный пояс», мы с небольшой остановкой в Москве поехали в Архангельскую область в пос. Плесецк, где отца ждала должность директора ремонтного завода и депутата поселкового совета. Когда семья ехала в Плесецк, мы еще не знали, что недалеко от него находится секретный город Мирный с космодромом и опытным полигоном для разработок новых видов вооружений и самое главное – с радиацией, на последствия которой в то время обращали мало внимания.

Многое из жизни в этой далекой глубинке запечатлелось в моей памяти как по личным впечатлениям, так и по рассказам отца. Война обошла Плесецк далеко стороной, но положение в нем тогда было такое, что казалось – она только окончилась. Часто не было света. Снабжение из рук вон плохое. В магазинах пусто, люди спасались огородами и заготовками даров леса, хлеб был с перебоями, мясо, колбаса – редкостью, конфеты, даже самые простые, – настоящим праздником. Даже у нас был свой огород, где мои родители своими руками сажали картошку и выращивали овощи.

Вокруг размещались лагеря, которые к тому времени стали опорожняться, через город проходило много эков, часть из которых оставалась здесь. То тут, то там в лесу возникали пожары, люди пропадали неизвестно куда, время от времени находили трупы. Помню, как в самом начале эки решили «поучить» моего отца и пальнули из самопала по окнам. Отец выскочил с ружьем на крыльцо и выстрелил вверх...

Завод был в ужасном состоянии – изношенное оборудова-

ние, нехватка материалов и энергии, беспорядок, нежелание работать некоторой части рабочих, бывших зэков.

Довольно часто отец брал меня на охоту и лесные заготовки. Старенький «козел», много раз ломаясь, углублялся в чащобу, на ночлег останавливались в одной из дальних деревень, часто у одного и того же худого и седого старика по имени Антон. Как уже позднее рассказывал мой отец, Антон бывший заключенный, из крестьян этих мест, но «выбился в люди», окончил университет, в 20-е годы за сомнения был вычищен из партии, в 30-е – получил срок, а после освобождения вернулся в родные места крестьянствовать. Я засыпал, а они еще долго сидели и спорили о чем-то очень важном. «Не с той стороны мы начали строить социализм, – передавал мне позднее слова Антона отец, – надо у мужика учиться социализму». «Знаешь, какие у нас на Севере мужики были – каждый из них, если к нему с подходом, готовая социалистическая ячейка.

Однако в социализм мой отец не верил и с жалостью относился ко всем, кто хотел увлечь его в «социалистическую веру». Мой отец был русским патриотом. Он принадлежал к поколению победителей, внес свой вклад в победу и до конца жизни жил этой победой. Его друзья и сверстники, вернувшиеся с войны, долгое время носили военную форму, постоянно в разговорах возвращались к военным событиям. Это чувство победителей, гордость за победу во имя Родины отец передал и мне.

Отец много рассказывал о войне, связывая ее с другими историческими победами России. Он читал мне «Полтаву» Пушкина, «Бородино» Лермонтова, «Тараса Бульбу» Гоголя.

От него я впервые узнал об Александре Невском, Дмитрии Донском и Куликовской битве, монахах Пересвете и Ослябе, Иване Грозном, героях Отечественной войны 1812 года, Петре I. Он любил читать исторические романы, которые потом популярно пересказывал мне.

В Плесецке отец значительно расширил нашу семейную библиотеку. За четыре года пребывания в этом городе он купил не только сочинения всех основных русских классиков, но и самые значительные произведения мировой литературы. Картонные коробки с книгами из Екатеринбурга при отъезде из Плесецка и три больших фанерных ящика – это было все наше богатство.

Отец много ездил по району и как депутат местного совета, и просто на охоту. Часто он брал и меня. В восемь лет он научил меня стрелять из ружья. В некоторых местах сохранялись красивейшие деревянные храмы. Они казались мне необыкновенно прекрасными и особенно по сравнению с убогой барачной архитектурой Плесецка. В деревнях еще стояли двухэтажные, отделанные тонкой резьбой избы – деревянные дворцы; в сочетании с эпическим размахом лесов и частых рек и озер они составили неизгладимое и самое яркое впечатление моего детства. Это был сказочный град Ки-

теж, мир куда-то ушедших хороших людей, а мы почему-то существовали в параллельном мире с озлобленными мужиками и бабами, пьянством, драками, истошными воплями по ночам.

Конечно, разлад этот вносили чужаки, бывшие заключенные и ссыльные из закрытых окрестных лагерей. Они жили так, как будто все лучшее осталось позади, а впереди только бесшабашная хулиганка. В то время в Плесецком районе сохранялся один лагерь – так называемый Мехреньлаг на Куксо-озере с более чем 12 тысячами заключенных, занимавшихся лесозаготовками. Кормили их плохо. Выглядели они ужасно и у многих вызывали страх.

В 1958 наша семья вернулась в Москву. Было это сразу же после Нового года. Столица встретила нас ясной холодной погодой. В памяти осталось хорошее настроение, запах мандаринов, представление в цирке на Цветном бульваре, куда меня на следующий день повели родители.

После Плесецка и Архангельска (Екатеринбург я почти не запомнил) Москва поразила меня своими размерами и сразу же очаровала особым духом, который не покидает меня до сих пор. С самого первого дня я понял, что это мой родной город, средоточие всего, что я знаю и люблю.

Однако было не все так просто. Комната в коммунальной квартире на Чистых прудах, в которой отец и мать жили до моего рождения и отъезда в Екатеринбург, оказалась занятой. В ней поселили некоего Нудельмана, родственника

зав. отделом Минлесбумпрома, в котором работал мой отец. Комната была занята Нудельманом незаконно. Отец очень возмущался, но был выходной день, учреждения закрыты. Мы как были с вещами, так на том же такси, на котором приехали, отправились к бабушке в Одинцово. Встретили нас тепло. На столе стояли пироги, угощение. По просьбе родителей я охотно облачился в свой карнавальный костюм индейца, с готовностью объясняя детали своего одеяния.

Поездка к бабушке в гости на несколько дней обернулась жизнью в ее доме на годы. Оказалось, покровители Нудельмана выписали моего отца из его комнаты, и наша семья оказалась бездомной. Сделано это было так ловко, что отец ничего не мог сделать. В Минлесбумпроме ему пообещали в ближайший год исправить положение, заверив, что дадут квартиру в новостройках, выроставших на окраинах города.

Первый вечер в Одинцове мне запомнился навсегда – так дружно и славно прошло время.

В самой большой комнате бабушкиного дома (ул. Советская, 19) стоял длинный стол с витыми ножками, два старинных кресла друг против друга и с десяток светлых венских стульев. На дверях были зеленые портьеры с кисточками. В глубине комнаты стоял обширный диван, над ним старинные часы «Павел Буре». В правом углу от входа телевизор с линзой. Стол, кресла и часы принадлежали еще отцу бабушки, она их привезла из Вязников (после смерти бабушки я забрал их себе). Кроме большой комнаты, в доме было 3 ма-

леньких. В одной жила сама бабушка, в остальных ее дочери, мои тети. С нашим приездом тети сселились в одну комнату, а в освободившейся зажили мы втроем.

В доме также имелись сени, терраса, кладовка (из нее шла лестница на чердак) и туалет с выгребной ямой. В отличие от комнат зимой они не отапливались и были очень холодными.

Уже на следующий день, когда взрослые отмечали праздник, я сумел исследовать дом и его окрестности. В кладовке и на чердаке среди разного хлама я нашел десятка два старых, еще дореволюционных книг. Помню издания Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Особенно запомнились сильно затрепанные, без титульных листов и отдельных страниц, хорошо иллюстрированные книги по истории с изображениями царей, полководцев, духовных лиц. Как замороженный, я всматривался в них. После вчерашней поездки по Москве они казались мне настоящими москвичами, более значительными и важными, чем мои современники.

Пока взрослые веселились, я снес найденные книги в нашу комнатку и положил их в тумбочку рядом с постелью. На третий день я обследовал сарайчик с углем, который примыкал к домику. В нем на полке под крышей я обнаружил еще несколько книг. Это были советские книги военных лет с описанием подвигов русских солдат и офицеров. Так в первые дни у меня подобралась целая библиотека, в которую вошли и привезенные мной из Плесеца любимые книги.

Вскоре выяснилось, что евреи из Минлесбумпрома об-

манывали отца. Никаких реальных возможностей получить жилплощадь от этого министерства не было. Узнав об этом, отец немедленно уволился, перейдя на работу в проектно-технологический институт. В самом начале его направили в командировку в Сибирь в одно из труднодоступных мест на предприятие, где главным контингентом рабочих были заключенные. Из-за опасности командировки отец семью с собой не взял. Наградой за командировку должно было стать получение жилплощади в Москве. У своей матери оставить семью отец не решился. Отношения между свекровью и снохой не сложились. Мама решила вместе со мной и моей сестрой Мариной временно пожить у своих родителей, так как думала, что разлука будет недолгой. Со всеми нашими скромными пожитками (книги оставили у бабы Поли) мы втроем свалились на голову бабушки и деда по линии матери. Я уже рассказывал, что маленький домик, в котором они жили с двумя другими детьми – Женей и Наташей – был бывшей барской кухней при дворянской усадьбе. Ко времени нашего приезда кухню разделили на три крохотные комнатки. В одной из них жил парализованный дед. Он почти не вставал, лишь изредка выходил посидеть рядом с крылечком. В другой комнате готовили пищу, стоял покрытый клеенкой стол и самодельные полки с посудой. В третьей комнате, побольше других, с двумя окнами в сад, протекала вся жизнь семьи. Здесь спали бабушка, Женя и Наташа. Здесь же они работали, готовились к школе, читали. Чтобы помочь семье,

бабушка давала уроки иностранных языков разным «балбесам», главным образом детям писателей, живших недалеко от нас в поселке Переделкино. Большую часть комнаты занимал стол, оставшийся еще от дворянской усадьбы, три железные кровати и большой платяной шкаф. На стене между окон тикали ходики с изображением Кремля на циферблате, над столом висел широкий рыжий матерчатый абажур. Вот в такие хоромы привела мама меня и сестру, которой в то время было меньше двух лет. Помню необычность первой ночи. Дружно поужинав и почаяевичав, мама и бабушка сдвинули стол, вытащили из платяного шкафа зимние пальто и шубы, постелили их на пол, покрыв сверху одной широкой простыней. Втроем мы устроились на этом, накрывшись сверху широким одеялом. В таких условиях мы провели больше года. После жизни у бабушки Поли вначале смущало отсутствие туалета в доме. Он стоял в 20 метрах от нашей резиденции, был общим для нескольких окрестных домиков и состоял из двух широких кабинок («Ж» и «М») с тремя круглыми прорезами в каждой. Летом, конечно, было хорошо, чего не скажешь о зиме, и чтобы не простудиться, каждому ребенку выделялся свой горшочек.

Несмотря на тяжелые условия, жили мы дружно. С сентября я пошел во второй класс. У меня появились друзья, один из которых, Федя, был сыном инвалида войны. Бабушка стала давать мне уроки английского языка. Приносила из библиотеки книги с картинками, которые мы по вечерам рас-

смаатривали вместе. Именно бабушка Ольга дала мне первый урок национальных отношений. Об этом следует рассказать особо.

В то время мы не задумывались над национальностью. Я знал, что я русский, и даже гордился этим, мы, мальчишки, как и взрослые, чувствовали себя победителями. Рядом с нами жили дети татар, грузин, армян. К ним мы относились совершенно нормально, не считали их ни хуже, ни лучше себя. Однако к евреям на Баковке отношение было иное. В памяти многих еще сохранились «художества» Гирша Сокольников и его компании. Среди моих сверстников нередко употреблялось слово «жид». Помню детскую считалочку: «Сколько время – два еврея, третий жид на веревочке бежит». Запомнилось и несколько пословиц: «За компанию и жид удавится», «Жида дружбой не купишь», «Свяжись с жидом – сам жидом станешь». Еще не зная вполне значения слова «жид», я познакомился с первым евреем. Его звали Миша. Он учился в соседнем классе. Случилось так, что он начал подходить ко мне на переменах и рассказывать разные забавные истории, а потом «по секрету» поведал мне, что мой друг Федя «сын шпиона». Меня это потрясло, ибо я был воспитан в духе патриотизма и дружить с сыном шпиона мне казалось постыдным. Обо всем я рассказал бабушке. Она тоже возмутилась. «Не верь ему – он жид», – сказала бабушка. «Как жид?» – удивленно спросил я. «Ну, еврей», – расшифровала она. «Они плохие люди, – продолжала бабушка, – много зла

сделали нам, держись от них подальше».

Я послушался бабушку и стал избегать Мишу, да и он сам как-то сник и перестал подходить ко мне.

Случай этот запал мне в душу, и уже в студенческие годы я снова вернулся к нему, когда был в гостях у бабушки. Она рассказала мне, что Миша был племянником бывшего сотрудника НКВД, который до войны утек в лагерь отца моего приятеля Феди, а после его возвращения из лагеря распространял слухи о его шпионстве.

Летом 1959 года на Баковке было хорошо. Возле нашего домика все было зелено. Цвели липы. Созревала вишня, сплетались кусты сирени и акации. С утра мы отправлялись купаться на речку Сетуньку. По сложившемуся ритуалу проходили рядом с дачей (скорее поместьем) маршала Буденного. Шли вдоль высокого зеленого забора. В одном известном нам месте заглядывали в дырочку в заборе, чтобы видеть эту легендарную личность, совершавшую прогулки на лошади. У Сетуньки, неглубокой, чистой речки, падали на песок, купались до посинения. В наш домик возвращались к обеду, часа в 3–4. Пообедав, шли гулять на станцию. Там перед платформой была площадь, на которой располагались главные баковские магазины. Денег у нас, детей, никогда не было, поэтому в магазины, особенно в «Культтовары» и «Книги», мы ходили, как в музей, любуясь обложками книг, красивыми ручками и письменными принадлежностями.

К вечеру возвращались домой, через танцплощадку, за-

росли одичавшей, но сладкой малины. Возле нашего домика начиналась жизнь взрослых. Центром ее становилось двухэтажное общежитие за нашим забором. Людей там жило немерено. Громко орала музыка, сменявшаяся нестройным хоровым пением и возгласами ненормативной лексики. Бабушка отгоняла нас от окна, усаживала читать. Терпения читать нам хватало ненадолго. Дождавшись, когда бабушка отвлечется, мы тихонько выскальзывали из домика в наш садик, протискивались в дырку в заборе и оказывались на пустыре, где часто горел костер и собирались дети со всех окрестных домов. Пекли картошку в золе. Иногда ходили за яблоками в большой сад, хозяина которого не только дети, но и взрослые не любили за скупость. Он жил в большом доме с женой и какими-то родственниками. Его считали очень богатым, так как он имел автомобиль «Победа».

Детский период костра на пустыре скоро прекратился, ибо на огонек приходили взрослые, вытесненные женами, не желавшими продолжения пьянки. В основном это были рабочие презервативного завода, занятые на вредных производствах и компенсирующие «вредность» алкоголем. Появлялись ребята с гитарой, по очереди они пили водку из одного граненого стакана, а потом, громко завывая, пели блатные песни. Впрочем, до этого периода мы, дети, редко досиживали. То из одного, то из другого дома раздавались призывы родителей, и мы разбегались по домам. Отношения были еще патриархальные. Раньше интимная близость с девушками

ми мальчиков-подростков не существовала, об этом даже не шло разговоров при общении. Впрочем, были всякие гадости, тогда нам не всегда понятные, которые пытался говорить Миша, но его всерьез никто не принимал, равно как и не любил. Интересно, что когда через несколько лет я, уже семнадцатилетний парень, соблазненный городом, встречался со своими одноклассниками, многие из них показались мне просто девочками, краснеющими от моих нескромных шуток. Зато Миша вырос в нагловатого самоуверенного еврейчика, сразу же предложившего мне заняться спекуляцией «ребрами» – так назывались кустарные пластинки, записанные на старых рентгеновских снимках. Его дядя имел аппарат для таких записей, снимки приносил другой родственник из больницы. Каждая такая запись стоила 20–30 коп. На доходы от «костей» еврейское семейство купило подержанный «Москвич». Принять участие в их бизнесе я, конечно, отказался. У нас в московском дворе в подобный бизнес пытался вовлекать всех ребят Генка Болеба, тоже из «избранного народа», мелкий фарцовщик, скупавший вещи в общении иностранных студентов.

С 1959 по 1963 вся наша семья снова воссоединилась. Мы стали жить в Одинцове у бабушки Поли в комнатке 8 метров на четверых, но потом сестру снова отправили жить к тете Клаше в Егорьевск. К тому времени у меня собралась небольшая библиотечка любимых книг, среди которых главное место занимали популярные книги по истории, о вой-

не 1812 года, о героях-пионерах в Великую Отечественную войну. Чтение стало моим любимым занятием. Я подружился со старушкой-библиотекаршей, которая уделяла мне особое внимание, оставляя мне книги. У меня появились два друга – Валера Богомазов и Леня Пантелеев и первая девочка, к которой я испытывал неведомые ранее чувства, мне было приятно провожать ее до дома, нести ее портфель, что-то рассказывать ей. Жила она в красивом, тогда мне казалось – в сказочном доме, построенном в древнерусском стиле, где до революции находилась контора фабрикантов Якунчиковых.

Летом главным нашим занятием было купание в пруду (впрочем, начинали мы купаться уже в мае), зимой бегали на лыжах в парке Якунчиковых (т. н. «Якунчик»). Учился я легко, но больше «витал в облаках». Я любил слушать рассказы нашего учителя истории (к своему стыду, не запомнил его имя). Однажды он пересказал предание о том, что в подвале церкви Артамона были спрятаны несметные сокровища бояр Матвеевых, родственников царя Алексея Михайловича. После смерти этого царя один из них, Артамон Матвеев, был отправлен в далекую ссылку в Пустозерск и Мезень. Оттуда был возвращен Петром I, но был убит восставшими стрельцами, подстречаемыми царевной Софьей. Несметные сокровища Матвеевых были только легендой, но наши мальчишеское сознание было распалено. Мы долго искали место самой церкви, собирались уже производить тайные раскопки,

когда узнали, что на этом месте уж рыли котлован под другое здание, поэтому ничего сохраниться здесь не могло. Учитель же подогревал наш интерес к русской истории все новым и рассказами – особенно о французских могилах, найти и раскопать которые мечтали многие мои сверстники. Наша школа находилась в парке «Якунчик». Во время войны в ней был госпиталь и рядом с ним устроена большая братская могила, которую мы, мальчишки с учителем истории, каждую весну убирали, подкрашивали известью памятник и изгородь.

Большая часть наших соседей жила небогато. Преобладали бараки и маленькие частные дома. Многие держали корову, у всех были маленькие огородики и плодовые деревья. Пили много и в отличие от Баковки чаще дрались. Редкие праздники не заканчивались мордобоем. Сцены ревности устраивали при всем честном народе. На Советской улице жили две еврейские семьи – Херсонские и Пилявские. Хотя они не славились особым трудолюбием, а их отпрыски были большими лодырями, жили они почему-то лучше других. Бабушка говорила мне, что они занимаются спекуляцией, покупают у знакомых продавцов вещи по низкой цене и перепродают втридорога. Этих евреев у нас на улице не любили и даже почему-то презирали, спекуляция считалась зазорным делом. Несмотря на бедность и нужду, стремление к нетрудовым доходам у нас почти не проявлялось, зато торговать на рынке зеленью со своего огорода или яблокам и со своих деревьев считалось нормой.

Глава 4

Увлечение историей. – Поиски библиотеки Ивана Грозного. – Исследовательские экспедиции и раскопки. – Первая любовь. – Первая стычка с представителями «избранного народа» в Одессе и Москве. – Я бросаю школу. – Поступление на работу. – Никитинские субботники – иудейско-масонское гнездо

После долгих обещаний и обманов отец в 1962 получил двухкомнатную квартиру в Москве в новостройке Новые Черемушки на 5-м этаже дома без лифта. Радовались родители несказанно. Кончалось время нашей бездомности. Отец в то время работал главным инженером проекта в институте ВПТИСтройдормаш. Но квартиру ему дали не за работу, а за то, что он согласился стать секретарем парткома института. Помню, он не один день советовался с бабушкой Полей, идти или не идти в секретари. Ему очень не хотелось, душа не лежала, коммунистическим лозунгам он не верил, хотя был твердым патриотом-державником. Смысл аргументов бабушки был таков: раньше коммунисты были иудейские изверги, а сейчас думают о своем личном интересе. Соглашайся на предложение, хозяином будешь в институте, квартиру получишь. Все получилось так, как сказала бабушка: отец укрепил свое положение в институте, квартиру мы по-

лучили (а через несколько лет сменили ее на большую) – так партийные власти возвращали семье хоть малую часть того, что было украдено у нее еврейскими большевиками в 1918.

Переселялись мы в Черемушки летом. Наш дом был уж сдан, а другие – вокруг него – еще строились. Не было ни нормальных дорог, ни тротуаров. Возле дома начинался огромный пустырь с заросшим прудом посередине. Пустырь был центром общественной жизни подростков. Здесь на холмистой, изрытой ложбинами поверхности образовалось нечто вроде клуба. Подростки, а потом уже молодые люди, общались, обсуждали местные новости, пели под гитару, выясняли отношения, иногда дрались, целовались с девушками, а в жаркую летнюю пору оставались с ними до глубокой ночи. Для многих из нас, приехавших в 1962, в том числе и для меня, пустырь впоследствии стал местом первых свиданий и первой близости с женщиной. Пустырь считался мужской территорией, девушки приходили сюда только с кавалерами, которым доверяли. Часто на пустыре жгли большие костры, возле которых устраивались выпивки, в «почете» был дешевый портвейн, ливерная колбаса, килька в банках. Часто возле костра резались в карты на деньги, играли в буру, «сику», три листика. Иногда сюда приходили, чтобы подраться. Чаще всего дрались из-за девушек. Соперники, как правило, были нетрезвы. В ход шли и руки, и ноги. Иногда у костра собиралось 30–40 человек. Нередко распаленные вином и водкой ребята постарше командовали: пой-

дем бить профсоюзных (так звали ребят, которые жили на Профсоюзной улице в сталинских домах), и вся присутствующая «кодла» (подростков и ребят постарше) шла в сторону Профсоюзной улицы, избивая и кидая на землю всех встречаемых ребят с этой улицы, как правило, не трогая взрослых и рассыпаясь в разные стороны при первом появлении милиции.

В такой кодле я участвовал только раз. На всю жизнь осталось ощущение мерзкого стадного чувства разбушевавшейся толпы, избивающей невинного, удивленного такой агрессией парня, брошенного на землю и закрывающего лицо от ударов ногами. Помню руководителя этой кодлы некоего Булочкина, сына уголовника, перенявшего у отца блатные замашки и язык, кутившего у костра анашу, за продажу которой он впоследствии оказался в тюрьме. Меня он явно не любил, но и не трогал, как некоторых других ребят, не хотевших ходить с кодлой.

Среди ребят во дворе царил культ физической силы. Свое право мог отстоять тот, кто был сильнее. Однако некоторых ребят, не согласных с этим правом, самые сильные не трогали, видимо, из-за положения их отцов. Таким был Юрка Куницын, чей отец работал в генеральной прокуратуре, таким был и я. Такая неприкасаемость нравилась не всем моим приятелям со двора. Из-за нее я поссорился со своими первыми друзьями по этому двору, Сашкой, Шуркой и Сергеем. Точку в наших отношениях поставила их история с пят-

надцатилетней слабоумной девочкой, жившей вдвоем с теткой, работавшей днем. Сашка как-то случайно зашел к ней в квартиру, когда не было тетки, стали играть, возиться, и он так, «между прочим» (его слова) овладел ею. Стал заходить к ней регулярно. Более того, предложил разделить утеху со слабоумной девочкой и моим друзьям. Шурка с Сергеем согласились. Я отказался. Девочка вскоре забеременела, ей сделали аборт и отправили в психиатрическую больницу. Я же нашел себе других друзей, Генку Коноплева и Сашку Щетинина, у обоих отцы преподавали в институте. С ними моя жизнь стала поворачиваться в другую сторону. Я перестал ходить на пустырь к костру, а ходил только на романтические свидания с медсестрой Валец, работавшей на «Скорой помощи». Она была старше меня на 4 года, ей было 19, но выглядела она моей ровесницей. До меня она встречалась с одним из дворовых авторитетов, который не одобрил мой роман и начал угрожать. Однажды в подъезде он прижал меня к стенке и приставил к лицу самодельный пистолет, жутковато было видеть его дуло. Впрочем, скоро Валя переехала в другой район, и наши встречи сами собой прекратились.

С Генкой и Сашкой я серьезно увлекся историей. Первым нашим увлечением был поиск библиотеки Ивана Грозного. Впрочем Генка к этой затее отнесся без энтузиазма, так что искали библиотеку только я и Сашка. Началось все с того, то нам в руки попала книга Р. Пересветова «Тайна выцветших строк». В ней рассказывалось, в частности, о

том, что Иван Грозный собрал ценнейшую библиотеку в 800 томов древнейших рукописей и книг, части из которых не было ни в одной из мировых библиотек. Древние источники свидетельствовали о тайном подвале с высокими сводчатыми потолками, доверху наполненном сундуками с книгами в золоченых переплетах. Мир древних книжных сокровищ увлек нас. Знакомясь с доступными нам сочинениями, мы узнали много важного и интересного о судьбе книг, которые предположительно принадлежали Ивану Грозному и были украдены из его библиотеки врагами России. Масон Христиан Фридрих Маттеи, по профессии филолог, похитил из московских библиотек 61 древнюю рукопись и продал их за большие деньги в Германию. Уже после смерти вора его преступления были доказаны, но немцы отказались вернуть ворованное. Понадобилась Великая Отечественная война, чтобы принадлежащие России рукописи вернуться в наши библиотеки. На поиск библиотеки Ивана Грозного нас вдохновил образ археолога-энтузиаста, сына сельского псаломщика Игнатия Стеллецкого, посвятившего поиску библиотеки всю свою жизнь. Православный человек, инспектор «Палестинского общества» – очага духовного христианского просвещения, – Стеллецкий считал, что находка библиотеки Ивана Грозного позволит еще шире раскрыть культурное богатство Святой Руси. Еврейские чекисты, полностью контролировавшие Кремль, не позволяли археологу вести поиски библиотеки. Тогда Стеллецкий обратился с письмом к

Сталину и получил от него личное разрешение на работы в Кремле. В 1949 археолог умер, не сумев довести свое дело до конца, а мы со свойственной молодой горячностью решили его продолжить.

Нам удалось встретиться с вдовой Стеллецкого Марией Михайловной, жившей в конце Никитской улицы в ветхом двухэтажном домике, поддержать дневник археолога. По мнению Стеллецкой, библиотека могла быть спрятана либо в подземелье Кремля, либо в связанных с ними тайниках, к которым из Кремля вели подземные ходы в Чертолье (резиденция Малюты Скуратова), к Большому Юсуповскому дворцу (место, где находился загородный дворец Царя) через Меньшикову башню. Составив схему предположительных путей подземных ходов в двух направлениях, мы стали обследовать и обстукивать подвал домов, лежащих на этих путях. Было жутко интересно! Каждый день просыпался с мыслью, что вот сегодня мы обязательно найдем подземные ходы, ведущие к тайнику. Закончилось все прозаически. В один из подвалов в Сверчковом переулке мы пробирались три раза подряд, заинтригованные гулками звуками в стене, но нас выследил дворник и вызвал милицию. Разбираться пришлось в отделении. Инспектор, оформлявший нас, ранее работал в учреждении, занимавшемся строительством бомбоубежищ и газоубежищ. Он авторитетно объяснил, что при строительстве в центре Москвы объектов гражданской обороны каждый метр земли был исследован специальными приборами,

все пустоты поставлены на учет. Потерпев неудачу в Москве, мы решили перенести свои поиски в Александрову слободу и даже съездили туда на экскурсию.

Другой нашей исторической эпопеей стали раскопки «французских могил». Об этих могилах мне рассказывала бабушка Поля. Они находились недалеко от Одинцова. Легенда гласила, что в войну 1812 года партизаны уничтожили здесь несколько десятков французов, в отместку французы сожгли деревню, возле которой на них совершили нападение. Своих убитых они похоронили в нескольких ямах, положив туда, по легенде, и их оружие. Вот это оружие и возбудило наш интерес, а главным энтузиастом стал Генка, у которого в квартире был маленький музей, среди экспонатов которого хранилась сломанная шпага, бронзовый складень и деревянная икона. Несколько раз мы отправлялись на французские могилы с лопатами и по нескольку часов рыли глубокие ямы. Ничего мы там не нашли. Но польза от нашего предприятия была немалая. Мы взяли из библиотеки книги о войне 1812, читали и обсуждали их. Следующим этапом стало увлечение древними храмами и монастырями. Мы съездили в Звенигород, в Троице-Сергиеву лавру, посетили Коломенское, Ново-Иерусалимский монастырь, ходили в окрестности Данилова монастыря, где в то время находилась колония для малолетних преступников.

Должен сказать, что моя учеба после переезда в Москву ухудшилась. Новые впечатления, открытия, встречи отодви-

нули от меня мой дом. В квартиру я возвращался только вечером, так как отец в это время тоже допоздна задерживался, а мама не могла удержать меня. «Отлично» и «хорошо» было только по истории и литературе. По остальным предметам я еле тянул. Мои исторические проекты вызывали удивление и недоумение у учителя истории, пенсионера из мелких партийных работников. Он не понимал, «зачем мне все это нужно». Однажды я начал сочинять исторический роман из жизни Ивана Грозного. Написав первые страницы, я пришел к нему советоваться. Судя по всему, он ничего не понял и рекомендовал мне лучше подтянуться по другим учебным дисциплинам. В нашем классе было 26 учеников, почти все они в 6—7-м классе были приняты в комсомол. Не вошли в это число четверо человек, в том числе и я. В нашем классе комсоргом был Борис, услужливый с учителями паренек, без рассуждения выполнявший все задания старших. Он очень гордился своей общественной должностью, стремился угадывать все желания учителей. Уже с тех пор некоторые учителя, причем исключительно евреи, относились ко мне с настороженной неприязнью. Борис это чувствовал и с подлой услужливостью «топил меня», пытался поставить в смешное положение, высмеять мою любовь к истории и литературе. Совершенно невежественный, он искренно презирал мои увлечения, как что-то глупое и ненужное. Впоследствии он окончил техникум и работал мастером по ремонту телевизоров, затем перешел инструктором в райком ком-

сомола и далее по партийной линии. Однажды в 7-м классе я на уроке истории не отрываясь читал роман Данилевского «Сожженная Москва». Не заметил, как подошел учитель и грубо выхватил мою книгу. Борис сидел позади меня и мог бы предупредить, но он нарочно это не сделал и, более того, кинул реплику, оскорбившую меня. Сразу после урока я подкараулил обидчика у лестницы, затащил его в кладовку, где хранились ведра и веники. Не говоря ни слова, я изо всех сил ударил его в лицо. У него потекла кровь из носа. В испуге он закрыл лицо и даже не пытался защищаться. Я вышел из кладовки первым. Зазвенел звонок на следующий урок. Борис в этот день так и не появился. Зато после уроков меня вызвали к директору, у которого сидела мать Бориса (учительница пения). Говорил только директор: «За твой поступок ты достоин исключения из школы. Ты избил комсорга класса. Но я не хочу предавать этот случай огласке. Того же мнения и родители Бориса. Более того, мы должны учесть и заслуги твоего отца. Я с ним уже говорил по телефону. Но помни, если повторится что-то подобное, ты будешь исключен из школы». Домой возвращался с двойственным чувством. Родители молча сидели на кухне. На столе, кроме ужина, стояла ополовиненная бутылка водки. Спокойно взяв меня за руку, отец отвел меня в соседнюю комнату, бросил животом на диван и сильно выпорол. Помню его слова: «Силу применяй только в крайней необходимости».

Серьезный конфликт с отцом, примерно в то же время,

возник у меня из-за одного типа, работавшего в строительной конторе курьером. Немного старше нас, он часто участвовал в наших карточных играх на деньги. Однажды, проигравшись, я попросил у него в долг под залог двух книг «Граф Монте-Кристо», которые я принес из родительской библиотеки. Через два дня я долг отдал, а курьер под разными предлогами книги не возвращал. Прошло более двух недель, исчезновение книг уже заметила мама. Курьер меня избегал. И тогда в обеденный перерыв, когда из конторы все уходили, мы через форточку открыли окно, я проник внутрь, друзья стояли «на стреме», я обшарил письменный стол, но книг не нашел. И тут, к моему ужасу, открылась дверь, на пороге стоял один из руководителей конторы и наш участковый милиционер. Я был схвачен с поличным. Составили протокол. Я рассказал все, как было. Поначалу мне не верили. Потом подошли мои друзья, подтвердили мои показания. Вызвали с работы моего отца, нашли курьера, который в конце концов признался, что книги хотел присвоить и даже отвез их домой. Разговор с родителями был очень тяжелым. Отец объяснял мне, как легко в жизни потерять репутацию. «Ты прокрался на чужую территорию, и тебя могли бы обвинить в воровстве и даже завести дело. Так можно не отмыться всю жизнь».

Летом 1964, 1965 я ездил в пионерский лагерь в Одессу. Лагерь стоял в Аркадии на берегу моря. Тут у меня появились новые друзья, и я впервые ощутил остроту еврейского

вопроса и с удивлением узнал, с какой неприязнью относятся к евреям украинские дети. В Одессе жило много евреев, соответственно немало было их и в нашем лагере. Евреями были начальник лагеря и старшая пионервожатая. Пионерская «демократия» требовала выборов совета лагеря, совета отряда, первых лиц этих советов. Старшая пионервожатая, проводившая сборы по выборам в отрядах, зачитывала по заранее заготовленной бумажке фамилии – Курчинская, Гольдман, Гельман, Черная и т. п. В нашем старшем отряде у нее вышла осечка. Заслушав ее список, пионеры предложили несколько других кандидатур. Стали голосовать. Прошли кандидатуры, предложенные нами, а никого из списка старшей пионервожатой не выбрали. Получилось все как-то само собой. Никто из нас и не задумывался о том, что все предложенные старшей пионервожатой кандидатуры евреи. Сработало детское стремление к справедливости. Мы хотели избрать тех, кто нам больше нравился. Однако отвергнутые еврейские кандидатуры быстро организовались и после сбора подошли ко мне с вызовом. Были они высокие, откормленные, высокомерные. Особенно вызывающе вел себя Гельман, бросивший мне в лицо слово: «Антисемит». Смысла и значения этого еврейского ярлыка я тогда не знал, но отлично понял по выражению его лица, что меня хотят серьезно обидеть. Рассерженный, я оттолкнул Гельмана, толчок был несильный, но он не удержался и упал в высокие кусты акации, которые с треском расступились под его телом, а потом

сомкнулись над ним. Гельман поднялся, посмотрел на меня ненавидящим взглядом и ушел. За ним потянулись другие еврейские «кандидаты». С этого времени в лагере негласно возникли две партии – русская (неформальным лидером которой стал я) и еврейская. В палате Володя из Киева объяснил мне значение слова «антисемит» и сказал, что считает меня героем. Мне же было ясно, что все произошло случайно, без всякого умысла с моей стороны. Тем не менее я был рад, что этот случай открыл мне глаза на многое. В лагере я подружился с Володей из Киева и Юрой Масловым из Одессы. С ними я еще долго поддерживал переписку. Через несколько дней в лагере снова был сбор, на котором выбирали достойных на роли персонажей на празднике Нептуна. Как мне рассказал Володя, не первый раз ездивший в этот лагерь, раньше на все лучшие роли выбирали евреев. В этот раз лучшие роли достались русским мальчикам и девочкам. В следующем году, когда я снова приехал в этот лагерь, выбор прошли нормально. Однако старшая вожатая однажды пыталась выгнать меня из лагеря «за грубое нарушение дисциплины» – через забор мы регулярно уходили гулять в город и даже пили сухое вино. Попытка ее не удалась. Русская партия в лагере (в нее входили и несколько вожатых) вступилась за меня.

После возвращения из Одессы мои увлечения русской историей и стариной еще более усилились, мои друзья были единомышленны со мной. В этот раз интересовали нас боль-

ше всего монастыри. От бабушки из Одинцова я привез несколько старых номеров «Нивы» с описаниями Соловецкого и Кий-островского монастыря. Мы стали готовиться к поездке туда в следующую весну.

В июле 1964 по указанию Хрущева был взорван один из великолепнейших памятников русского зодчества храм Спаса Преображения (XVII век) в селе Преображенском. С этого села начиналась Петровская реформа русской армии и первые ее славные победы в борьбе с экспансией Запада. Храм был кафедральным собором митрополита Николая Ярушевича, активного борца с иудейскими сектами, экуменизмом и масонством. Хрущев ненавидел владыку и стремился всеми способами уничтожить память о нем. Сам я на взрыве не был, но по приезде из Одессы несколько раз ездил на Преображенскую площадь, пробирался через дыру в заборе, окружавшем руины храма. Возле забора часто стояли бывшие прихожане, молились и плакали.

Хуже всего у меня дело был с учебой. Окончив восьмилетку, я должен был перейти в другую школу, так как в нашей не было 9—10-х классов. В новую школу я принес свою беспартийность (комсомольцем я не был), самостоятельное отношение к жизни, первое понимание еврейского вопроса, горячую увлеченность русской историей, живой интерес к девушкам. Я хорошо учился только по тем предметам, которые меня увлекали, — истории, литературе, биологии, географии, большую же часть других предметов я в рекордные сроки за-

пустил, особенно математику и физику. А может быть, мне просто не нравился физик, некто Гусман, раздражавший меня своими плоскими анекдотами, которые он рассказывал с самодовольным видом, хихикая, вкладывая в них свой особый смысл, который мне, «тупому», не был понятен. Однажды где-то в ноябре, не выдержав его пошлостей, я молча встал и вышел из класса, устроился в укромном скверике рядом со школой, покурил болгарскую «Шипку». Тут-то меня и застал наш классный руководитель, сообщив, что мое поведение будут обсуждать на классном собрании. Вечером посоветовался с родителями. Они, конечно, были не в восторге, я сказал, что хочу пойти работать, а учиться буду в вечерней школе. Отец, полагавший, что ни при каких обстоятельствах я не пропаду, дал молчаливое согласие. Мама была в слезах, с трудом я ее успокоил, сказав, что буду учиться вечером и готовиться к поступлению в историко-архивный институт.

На следующей неделе отец оформил меня учеником чертежника в институт, где работал сам. Институт находился на Мясницкой ул. (тогда ул. Кирова) напротив Главпочтамта в историческом здании «дома Юшкова», построенного в конце XVIII века знаменитым архитектором В. Баженовым. В начале XIX века в этом доме размещалась масонская ложа, описанная Л. Толстым в романе «Война и мир». Об этом доме ходило много преданий, которые еще больше возбуждали мою любовь к истории. В первые дни я со своими друзьями

обследовал это здание от подвала до чердака. Советская эпоха перекроила историческое здание полностью, разделив залы и большие комнаты тонкими перегородками, и превратила его в нечто вроде муравейника. Тем не менее сохранилась парадная лестница и колонный зал, в котором масоны проводили заседания лож. Во дворе здания жили старики, помнившие его историю до 1917 года. Здесь было знаменитое Училище живописи, ваяния и зодчества, подарившее России десятки великих русских художников. Еврейские большевики устроили в училище погром. Талантливые русские ученики были изгнаны и устроен модернистский вертеп – ВХУТЕМАС, возглавляемый целым букетом «талантливых еврейских юношей». Горько было слушать от старожилов, как при еврейских большевиках историческое здание превратилось в «еврейскую идиллию» – «гнездо разврата, свободной любви, педерастических оргий» (слова одного из старожилов). В 1919 новые хозяева вместе с чекистами шарили по окрестным домам в поисках женщин для «свободной любви». У анархистов покупали самогон. Напившись, стреляли по картинам русских художников. Во время одной попойки «чекист Зяма» вывалился в пролет лестницы, сломав себе позвоночник. Налетевшие чекисты пытались объявить гибель Зямы как теракт черносотенных сил – русских художников, селившихся вокруг бывшего училища ваяния и зодчества⁴.

---

⁴ В 90-е годы это здание было передано замечательному русскому художнику-патриоту Илье Сергеевичу Глазунову. В нем он создал Академию живописи

Чертежник из меня получился скверный, чертить и рисовать я так и не научился. Зато, наверно, лучше всех ориентировался в лабиринтах этого особенного здания. Внизу одной из лестниц, закрытой для прохода, мы организовали своего рода клуб, где обсуждали все что угодно, кроме работы. Иногда играли в карты, много курили. Место это было жутковатое, женщины сюда приходить не решались. Отсюда нас время от времени выдергивало начальство для разъездов по городу или на опытный завод. Иногда командировки были долгосрочные, даже в другие города; так, летом меня послали в Одессу, а затем в Ригу. Но больше всего нашего брата-чертежника посылали работать в совхоз, некоторые жили там месяцами. Положительной стороной такой «работы» была возможность учиться и читать. Рядом с институтом была Тургеневская библиотека, а также хороший букинистический магазин, в котором тогда еще за копейки можно было купить интересные и даже ценные книги по истории, философии, экономике. С этого магазина началась моя библиотека, ныне превысившая 20 тыс. томов.

После первой полочки я побежал в букинистический магазин и за десятку купил дефектный (с вырванными иллюстрациями) первый том «Русское масонство в прошлом и настоящем»). Впоследствии я приобрел здесь «Историю Москвы» И. Забелина, ряд старинных экономических книг (экономика начинала меня все больше интересовать). Особую

радость у меня вызвали покупки отдельных томов энциклопедии «Брокгауз и Ефрон» (они продавались почти бесплатно, по 50–70 коп.). Я в буквальном смысле погрузился в русскую историю, каждый день приносил мне новые открытия. Весной 1967 я узнал от старожилов, живших с нашим Институтом, что, по преданию, в подвале до сих пор существует замурованная комната, в которой сложены книги и ритуальные предметы. Поиску этой комнаты мы посвятили много времени. Почти месяц по утрам и вечерам мы простукивали стены в подвале и нижнем этаже. В некоторые части подвала мы попасть не могли, так как там был устроен, о, ужас, первый в СССР атомный реактор. Поместить атомную бомбу в самом центре Москвы, недалеко от Кремля, было страшным преступлением, на которое были способны только еврейские большевики (поместили ее сюда по приказу кавказского еврея Берии). Если бы случился непредвиденный взрыв, выброс радиации на многие годы сделал бы Москву пустынной.

Наткнувшись на реактор и побеседовав с его охраной – симпатичными стариками-отставниками, мы решили, что комната с масонскими книгами пропала во время строительства реактора. Нашлись и старожилы, рассказавшие, что во время одной из перестроек дома после войны в строительном мусоре, сваленном в центре, валялись испорченные страницы книг и остатки разломанных бронзовых предметов. Один из жильцов дома поблизости продал мне книжку, содержащую секретный список членов Великой ложи «Аст-

рея» за 1820–1821 и две сильно поврежденные книги издания Н. Новикова.

Чувство причастности к какой-то великой тайне вдохновило меня на дальнейшие поиски. Зацепкой стала фамилия «М. Орлов», написанная от руки на титуле секретного списка членов масонских лож. В «Русском биографическом словаре» сообщалось об Орлове Михаиле Федоровиче (1788–1842), генерал-майоре, крупном масоне и директоре Московского художественного класса. Последняя информация подсказывала мне, что я на правильном пути, так как предшественником Училища живописи, ваяния и зодчества был именно Московский художественный класс, арендовавший помещение в доме Юшкова. Орлов был незаконнорожденным, имя матери его нигде не сообщалось, хотя ходили слухи, что она еврейка. Отцом Орлова был граф Ф. Г. Орлов, один из трех известных братьев Орловых. М. Орлов графский титул отца не получил, воспитывался в католическом пансионе аббата Николя, участвовал в работе масонской ложи «Палестина». Во время похода русских войск во Францию Орлов по рекомендации крупного масона Н. И. Тургенева вступает в преступные отношения с представителями самого опасного масонского ордена иллюминатов. Соединяя в себе методы иезуитской организации, тайной инквизиции и патологической жестокости к своим противникам, этот орден вел тайную борьбу за уничтожение христианской Церкви и монархии. После запрета этого ордена в Германии он вы-

ступают под вывеской французской масонской ложи «Соединенных Друзей», а затем Тайного союза «Тугенбунд». Именно эти темные силы оплодотворили русское декабристское движение, одним из членов которого стал М. Орлов, основавший тайную организацию «Орден русских рыцарей» и вошедший в руководство «Союза благоденствия», стал руководителем Кишневской управы тайного общества декабристов. Вероятнее всего, именно Орлов планировал убийство царя в 1817 в Москве в Успенском соборе. Орлов был одним из самых законспирированных руководителей декабристского заговора. Члены тайного общества должны были стремиться достигать важных постов в государстве, притворно выдавая себя за верноподданных, а на самом деле разрушая государство изнутри.

М. Орлов был готов возглавить декабристский путч. По свидетельству А. Е. Розена, 12 декабря 1825 года был совет между Рылеевым, кн. Оболенским и др. о том, чтобыверить главное руководство над восставшими войсками кн. Трубецкому, «если не прибудет Орлов». После поражения восстания Орлов был арестован, но вскоре освобожден. При его очевидной виновности в преступлении никто из декабристов, несмотря на их трусливое поведение на следствии, не дал показания на Орлова. Многие из них хорошо помнили клятву не выдавать главаря, а иначе «яд и кинжал везде найдет изменника». Мести Орлова декабристы боялись больше, чем русского закона. Орлов был отставлен от всех государ-

ственных должностей, выслан в деревню и взят под надзор полиции, но впоследствии ему разрешили жить в Москве, где он наладил связи со своими масонскими братьями, жившими в первопрестольной, организуя вместе с ними заседания тайных масонских лож. Узнав все это, я поразился такому совпадению. Тайный масонский центр, грозивший разрушить русское государство, и чудовищный атомный реактор, способный уничтожить все сердце России, складывались в одну череду событий общенациональных угроз.

Но в 1967 году я гордился своими знаниями; не понимая еще их истинного смысла, я тем не менее чувствовал свою невольную причастность к чему-то очень странному и значительному. Мне не хватало опытного наставника. В христианском смысле оценить смысл новых знаний я еще не мог. Бабушка Поля выслушала меня и строго отчитала, запретив заниматься этой «бесовщиной».

Но я-то уже тогда чувствовал, что интересуюсь этой бесовщиной не на радость бесу, а в ущерб ему.

Весной и летом 1967 в моем сознании происходили изменения – из подростка я превращался в целеустремленного юношу, пока с неосознанными целями, но отвергающего любые попытки просто пустить меня по течению. Образы монастырей и храмов, которые вошли в меня, создали фундамент моей личности. Каким-то особым чувством я понял, что именно там хранится главное в жизни человека, то, ради чего человек создан и ради чего его жизнь имеет смысл

и ценность. Я стал посещать церковные службы, тихо заходил, становился в уголке и молился. Полюбив христианские образы и видя, в каком состоянии находится большинство христианских храмов, я начал осознавать, что против христианства идет непрекращающаяся борьба. Почти физически я начинал осознавать, что чистые, светлые силы бытия подвергаются атаке темных, страшных чудовищ, ненавидящих любимые мною храмы и саму Россию.

Конкретные примеры такой атаки я видел в разрушении церквей и памятников, исторических застроек Москвы. В 60-е годы на моих глазах закрывались и разрушались церкви. Взрывается ряд ценных архитектурных построек в Кремле, сносятся церковь Благовещенья, что на Бережках, 1697 год (на Ростовской набережной), Тихвинская церковь в Дорогомилове, 1746 года (около Киевского вокзала), Преображенская церковь XVIII века (на Преображенской площади), церковь Иоакима и Анны XVII–XVIII веков (на ул. Б. Якиманка) и Николы Чудотворца в Ямах XVII–XVIII веков; исчезают с лица земли Собачья площадка, дом Хомякова (где в 1920-е годы находился музей 40-х годов XIX века), десятки старинных московских домов и особняков.

Вместо разрушенных самобытных старинных московских построек возводятся безликие, однообразные коробки, спроектированные архитекторами-космополитами Посохиным, Макаревичем, Иофаном, Гельфрейхом и т. п. Ни одна столица мира не знала такого варварства в отношении к

бесценным памятникам национального зодчества, которое в Москве осуществляют «творцы» вроде Посохина. Этот архитектор-космополит, «подаривший» Москве унылое, стеклянное здание Дворца съездов в Кремле, при осуществлении своего плана застройки Арбата (Калининского проспекта) с какой-то патологической яростью настаивал на сносе русской церкви XVII века на Поварской улице. К счастью, русские патриоты в буквальном смысле слова легли под бульдозер, но не позволили уничтожить святыню.

В это время у меня возникает идея написать полную историю московских улиц. Проследить по архивным источникам, как развивались архитектурные формы жизни из века в век, из год в год. Как на место изб приходили особняки, затем доходные дома. Мистическое движение жизни в архитектурных формах, быт простых и великих людей завораживали меня своей неодолимой тайной.

Осенью 1967 года мы поехали на обследование скита Саввино-Староржевского монастыря. Какой-то знакомый Гены сообщил нам, что там на чердаке сохранились старинные книги. Мы обшарили все, нашли немало остатков церковной утвари, а книг не было. Возвратившись, мы собрались у Гены и стали обсуждать дальнейшие планы. В этот вечер я впервые встретился с роковой для нас с Геней девушкой по имени Наташа, получившей от Гены прозвище Миледи в духе романов Дюма. Это было очаровательное белокурое шестнадцатилетнее создание, чувствовавшее свою власть над маль-

чиками и получавшее от того явное удовольствие. Ни я, ни Саша до этого дня не знали ее, только слышали, что она и есть таинственная дама сердца Гены, в которую он был влюблен и о которой много говорил. Мне она сразу же понравилась; увидев ее, я растерялся. Она это почувствовала. После ее появления наша монастырская тема сразу же заглохла. Мы начали нести какой-то вздор, много смеялись. В конце концов я вызвался проводить Наташу до дома. На следующий вечер мы уже целовались. Вечерние встречи у Гены прекратились, так как все свободное время я проводил с Наташей. Несмотря на мою опытность, дальше поцелуев наши отношения не шли. Дамой сердца Гены Наташа стать не желала, ее больше тянуло ко мне.

Гена ревновал, переживал. В разговорах с Сашей называл меня предателем, а Наташу «коварной Миледи», хотя она никаких обещаний ему не давала. Гена даже заболел. Мы пришли его навестить. Его мама шепотом сообщила нам, что сын страдает от «жестокой, бессердечной девочки, которая отказывается даже разговаривать с ним по телефону». Генина мама просила нас чаще посещать сына. Но видеться с Геной мне с каждым разом становилось все труднее. Он рассказывал о Наташе всякие небылицы, называл ее девушкой легкого поведения. Портились отношения и с Наташей. Ее возмущали выдумки Гены, которые он распространял среди наших общих знакомых. Наташа считала Гену подлецом, настаивала, чтобы я порвал дружбу с ним. Наташа была мне

нужна, меня тянуло к ней, но и с Геной я не мог порвать. А он чувствовал мою растерянность, проявлял чудеса интриганства, через третьих лиц распространяя слухи, что Наташа якобы встречается еще с одним парнем. В этой интриге он нашел себе союзника в лице моей одноклассницы Тани Прохоровой, которую я воспринимал как друга, а она имела на меня свои девичьи виды. Некоторое время я и Наташа продолжали встречаться, перезванивались, но как-то незаметно между нами вырастала стена. В начале 1968, когда, казалось, все отношения между нами угасли, она вдруг позвонила мне и сказала: «Один человек предлагает мне стать его женой. Как мне быть?»

– Ты его любишь? – просил я.

– Не знаю.

– Решай сама.

Сказав это, я почувствовал, что теряю что-то важное, хотя по-настоящему все понял позднее. Тем более как раз в это время я встречался с девушкой Ниной, жившей рядом с Петровским парком недалеко от Академии Жуковского (бывший Путевой царский дворец). Почти рядом с ее домом находился особняк «Черный лебедь» масона Рябушинского. И какие действительно бывают в жизни совпадения – дед Нины до революции приходил наниматься к Рябушинскому на работу. После 1917 в особняке устроили ресторан, а в 30-е годы – одну из «шарашек» ГУЛАГа – научное учреждение, где работали заключенные. Отец Нины, инженер, был осужден

по политической статье «за анекдот» и попал в эту «шарашку». Гуляя с Ниной по окрестностям Петровского парка, я еще не знал, что при большевиках здесь проходили расстрелы русских патриотов, здесь же зарывали их тела. Еврейские палачи убили, в частности, духовного русского писателя о. Иоанна Восторгова, близкого Царской семье епископа Ефрема, министров-патриотов царского правительства И. Г. Щегловитова и Н. А. Маклакова. Наши горячие поцелуи и объятия проходили рядом с этими святыми для каждого русского человека местами, совсем по Пушкину: «И пусть у гробового входа младая будет жизнь играть...»

Ранней осенью 1967 года моя мама составляла смету на ремонт дома по Газетному переулку. При осмотре одной из квартир она познакомилась с Евдокией Федоровной Никитиной, женой расстрелянного в годы революции крупного масона, министра внутренних дел Временного правительства А. М. Никитина. С 1914 Никитины собирали салон, в котором опытные «вольные каменщики» подготавливали себе смену. Заседания салона под названием «Никитинских субботников» продолжались и после расстрела Никитина в 1920-х годах. В заседаниях участвовали член Великого Востока Франции А. В. Луначарский, глава розенцрейцеров Б. М. Зубакин, Н. Л. Бродский, Ю. И. Айхенвальд, Л. П. Гроссман и др. Регулярно приглашалась студенческая молодежь. В 30-е годы Никитинские субботники прекратились, чтобы возобновиться в «оттепель». Никитина и «зубры» либераль-

ной интеллигенции 20-х годов привлекали сюда молодежь, стремясь воспитать ее в духе космополитических идеалов и западного либерализма, привить вражду к русской истории и Православной церкви. Мама, услышав, что «Никитинские субботники» продолжают собираться, и зная мою любовь к литературе, попросила Никитину разрешить мне посещать эти вечера. Никитина, к тому времени семидесятидвухлетняя старушка, милостиво разрешила, выдав в качестве пропуска пустой бланк с эмблемой «Никитинских субботников».

В ближайшую субботу я прибежал на заседание в числе первых. Меня провели в большую комнату с длинным столом посередине, уставленным тарелками с печеньем и пирожками и чашками с блюдечками, двумя большими чайниками. Стулья вокруг стола стояли в два ряда. Молодежь вроде меня рассаживалась во второй ряд. Впрочем, во втором ряду сидели не только молодые. Было довольно тесно, вдоль стен стояли закрытые шкафы. С некоторым опозданием появились «мэтры», быстро заполнившие первый ряд и сразу же приступившие к чаепитию. Большинство присутствовавших знали друг друга. В этот день присутствовали мэтры Борис Абрамович Слуцкий и Владимир Моисеевич Луговой, критик Нея Марковна Зоркая.

Вечер начал Слуцкий. Сказав несколько слов о воспитании молодежи в духе коммунистических идеалов и интернационализма (и как я понял уже позже – еврейского мес-

сианизма), поэт без всякого перехода начал декламировать свои стихи, с завыванием и выкриками. Мне, воспитанному на Пушкине и Тютчеве, содержание его стихов не было ясно, казалось, что они были зашифрованы для избранных. Еврейская студенческая молодежь, обильно присутствовавшая на вечере, каждое стихотворение принимала с восторгом, дружно хлопая. Я не хлопал, задумавшись, искренно стараясь понять смысл стихов. После выступления Слуцкого и попытался обсудить его стихи с одним из наиболее ревностных его поклонников. Мои вопросы поклонник расценил как скрытую иронию (или издевательство) и металлическим голосом сказал: «Ты ничего не понимаешь в *великой* (!) поэзии!» – и отвернулся. За чаем, который пили только мэтры, началось обсуждение. Мне запомнилось, что Зоркая открыто ругала А. Твардовского за то, что он не любит «Женю Евтушенко», колхозник Твардовский не может понять великого поэта. Вообще все обсуждения сводились к восхвалениям «великих», которыми, как правило, были евреи. Иногда было такое ощущение, что русская классическая литература существует параллельно с «современной великой», которую воплощают Пастернак, Эренбург, Слуцкий, Евтушенко, Шкловский, Маршак. Светлым воспоминанием вечера стало выступление дочери поэта К. Д. Бальмонта Нины. С большой теплотой и чувством она читала стихи отца и рассказывала о нем.

На следующем субботнике у Никитиной много говори-

лось о романе Цветаевой и Б. Пастернака. Никитина показывала кресло, на котором они целовались в ее доме. Подробности этого романа в устах Никитиной носили какой-то мелочный характер. Потом выступал некто Федоров (?). По его версии, Маяковский не покончил жизнь самоубийством, а был убит черносотенцами из круга Есенина. Без всякой связи, как о чем-то наболевшем, перекинулся на тему современных черносотенцев. По мнению большинства присутствовавших (мнение это никто не оспаривал), современными черносотенцами были М. Шолохов, Л. Леонов, И. М. Шевцов и другие русские писатели, «клеветующие и преследующие» великих и талантливых евреев. На этот вечер я принес подписать письмо в МГК КПСС с протестом против намечавшегося сноса церкви св. Николая. Письмо я пустил по рядам. Хотя в комнате присутствовало около 30 человек, свою подпись поставили только два студента, а Никитина попросила меня больше не приносить на ее субботники «подобные бумаги».

Третье и последнее посещение «Никитинских субботников» – этой кузницы космополитических, антирусских кадров, было связано с большим скандалом. Вечер начался с чтения стихов какого-то молодого поэта, которого дружно называли талантливым и многообещающим. А затем слово попросил учитель из Одессы некто Ефим Махровский (?). Он заговорил о необходимости развеять «черносотенные мифы русской истории». Для начала он объявил «Слово о полку

Игоре» грубой фальшивкой вроде Велесовой книги, поздней выдумкой русских «патриотов» (в устах Махровского это слово звучало как ругательство). По мнению учителя из Одессы, говорить о русской культуре до XVIII века некорректно. Она пришла в Россию с Запада с Петром I. Согласно Махровскому, Древняя Русь не была самобытным славянским государством, а искусственным образованием, рожденным еврейской культурой. История Руси создана евреями. Они дали ей не только свое имя (Кий, по Махровскому, был евреем) но и правящую династию Рюриковичей. Пассивное начало славянских племен оплодотворялось еврейской активностью. На этом вечере я услышал и другие откровения в таком же роде. Древняя, но очень агрессивная бабушка по фамилии Брунштейн поведала присутствующим о решающей роли евреев в строительстве СССР. Сколько выдающихся еврейских деятелей отдали свою жизнь во имя революции и победы нового общественного строя! Подавляющая часть революционных вождей были евреями! Бабушка Брунштейн рассказала о том, что сам Ленин по матери был евреем.

Обсуждения докладов, вероятнее всего, были хорошо срежиссированы. Реально никто по существу не возражал. Почти все выступавшие «оппоненты» под видом возражения пели дифирамбы Махровскому. Получалось взаимное восхваление, осанна иудейскому племени. Торжественную еврейскую мессу нарушил подвыпивший старичок: «Все это

ложь, а ты сионист!» — закричал он Махровскому и кинулся на него с кулаками. Думаю, что в этом случае самым уместным аргументом на антирусские аргументы Махровского был бы мордобой. Однако соплеменники стали грудью на защиту сиониста, я же, воспользовавшись суматохой, незаметно покинул этот дом, чтобы никогда сюда не вернуться. Под впечатлением услышанного я вначале собирался написать письмо в КГБ, чтобы рассказать о подрывной деятельности «Никитинских субботников». Но, к своему стыду, не хватило решимости, боялся прослыть доносчиком. Могу представить, как бы презирал меня мой прадед, узнав о моем либерализме и боязни стать доносчиком. Ведь речь шла о борьбе с врагами моего народа. Кроме «Никитинских субботников» в Москве во второй половине 60-х годов было еще немало и других центров по подготовке антирусских космополитических кадров, которые и дали свои ядовитые плоды в 80—90-е годы. По словам некоторых евреев — посетителей «Никитинских субботников», антирусский сионистский салон, состоявший преимущественно из учащейся молодежи, собирали К. Паустовский в Тарусе, а также И. Эренбург в своей московской квартире. В салонах этих культивировались идеи Талмуда, особого избранничества и одаренности евреев. Именно из них вышли сионистские деятели, впоследствии составившие контингент авторов альманаха «Метрополь» и ядро сионистской организации «Апрель».

Я много думал, читал, путешествовал по окрестностям

Москвы и ее достопамятным местам, много времени проводил в Тургеневской библиотеке и вместе с тем именно тогда, в восемнадцать лет, во мне определилось и прошло через всю мою жизнь возвышенное чувство зависимости от женского, девичьего начала. Зависимость не просто от любовных встреч и чувственных радостей (хотя это тоже было), а зависимость от влекущего чувства найти такую женщину, которая станет моей частью, умеет понять мои стремления, особый мир моей жизни.

Но чаще всего было так: женщины вдохновляли меня, создавали тонус моей жизни, подталкивали к решительным поступкам, но не затрагивали моей души, остались вне духовных интересов моей жизни. Почти каждая заинтересовавшая меня женщина давала мне что-то важное, но вместе с тем как бы обтекала меня, не оставляя во мне никакого сожаления об утрате. Фея, Белоснежка, Суженая, Чародейка, Красная Шапочка, Актриса, Лукавая и другие (я специально зашифровал женские имена) прошли рядом со мной драгоценными образами. Но только Суженая (моя жена Таня) и Красная Шапочка стали частью моей жизни (последняя ненадолго).

Глава 5

Созревание национального чувства. – Осознание духовной брани двух начал – русского и антирусского. – Презрение к Окуджаве. – Восхищение И. Глазуновым, М. Лобановым, В. Солоухиным, И. Шевцовым. – Тяга к организованным патриотам. – Клуб «Родина». – ВООПИК

Время моего возмужания, период с 1968, – особый этап в истории нашей страны. На моих глазах столкнулись две идеологические силы – православно-патриотическая, идущая из исторической России, и либерально-еврейская, растущая из могилы еврейских большевиков и дореволюционных масонов. Столкнулись дети тех, кто тысячи лет строил великую Россию, и дети еврейских комиссаров, расстреливавших ее. Молодая поросль евреев в 60-х годах называла себя «чуваками», что на их птичьем языке означало – «человек, уважающий высокую американскую культуру». Было ли слово «чувак» введено в оборот этой, по сути дела, «дикарской среды» зарубежными спецслужбами или каким-нибудь отпрыском советской чиновничьей верхушки, оно схватывало самое главное в их жизни – преклонение перед Западом и презрение к России. Все остальные люди, жившие в СССР, на языке чуваков именовались либо «совками» (рус-

ские, разделявшие восторг чуваков западным образом жизни), либо «чурками» (представители национальных меньшинств).

Лишенные корней и высоких патриотических чувств, искавшие случай в жизни уехать на Запад, чуваки в массе отличались пошлостью, дурным вкусом, склонностью к сальным шуточкам и просто «порнографией духа». У нас во дворе жила еврейская семья торговых работников. Сын их Генка Болеба открыто мечтал уехать из России за рубеж, а в этой жизни занимался фарцовкой. Себя он называл чуваком, а меня совком. Спекуляция импортным ширпотребом среди чуваков считалась почетным делом.

Между собой эта публика объяснялась на особом птичьем языке – смеси отдельных слов английского, еврейского и искаженного русского. Вот два характерных диалога, записанных мною в те годы. Первый об отношениях с девушкой.

– Без кайфа нет лайфа, – говорил один, – я тебе клевою фенечку расскажу. Зафакал я клевую герлу, у нее пэрэнты крутые совки. Папик ходит в вайтовых трузерах, а шузы все равно совковые. Ха-ха-ха!

– Кончай свой стеб, – говорит, в свою очередь, другой, – я от этой телки торчу. У ней папик мажор, прикид стремный, не хочешь – не факай. Я ее сам подпишу на фак.

Или еще один диалог о посмотренном фильме:

– Этот фильм такой совок. Джаст а хип впадет в тоску – все хэнды попилены. Режиссер левый мэн. Никакого кайфа.

– И мне он не в кайф, такая шиза.

С приходом к власти Хрущева большевистские погромы поняли, что могут взять реванш. В руководящие органы партии хлынули тысячи озлобленных евреев. На телевидении широко внедряли образ передового человека, носителя прогресса, «с добрыми еврейскими чертами лица», со специфическими интонациями и мотивом речи, которые как бы подготавливали второе пришествие деятелей либерально-масонской идеологии. Новый погром русской культуры осуществляли под лозунгом возвращения к ленинским принципам. Снова начались разгромы церквей, преследования священников. Враги России призывали к коммунизму в духе еврейского хилиазма и хлестали русских патриотов цитатами из Ленина. Помню кучку демонстрантов (в основном евреев) возле памятника Маяковскому летом 1968 года, призывавших поддержать «народное» восстание в Праге. Был там полный набор отпрысков еврейских большевиков: Свердлов, Якир, Литвинов, Тарсис, Румянцев и др. Все они уже обзавелись покровителями на Западе, снабжавшими их деньгами и посылками с вещами. В руках одного из них был том Ленина. Еврейский пиит читал стихи, в которых были слова «не позволим осквернить ленинское знамя» (в смысле подавления «народного» восстания). На мое справедливое замечание, что «восстание» подготовлено на деньги ЦРУ, один из демонстрантов заученно кинул мне: «Провокатор!» В 1990-е годы были опубликованы подроб-

ные сведения, как создавалась «пражская весна». Десятки агентов западных спецслужб, координируемых ЦРУ, развозили в просторных сумках миллионы долларов для зачинщиков беспорядков. Дубчек, Гавел и другие агенты влияния Запада при активном содействии сионистов и масонских организаций не нуждались в средствах. На эти американские деньги покупались услуги наемных убийц, стрелявших в спину русских солдат. Подкупленные проститутки после сношения со своими дружкам бежали в полицию с требованием их освидетельствовать, заявляя, что их изнасиловал «оккупант». Впрочем, слишком поздно мы узнали, что и демонстрации в поддержку «народного» восстания на площади Маяковского и возле Кремля тоже были инспирированы на американские деньги.

Бывшие агенты американских спецслужб сейчас уже не боятся говорить, как они строили так называемое диссидентское движение, опираясь на «недовольных евреев и психически неуравновешенных людей». Они откровенничают, как в целях «расшатывания России» ЦРУ использовало «сионистский дух» евреев, приобретший организованный характер с 1967⁵. В библиотеке Конгресса США я ознакомился с признаниями видной сионистки Э. Маркиш. Шестидневная война на Ближнем Востоке, писала она, «все расставила по своим местам в психологии российского еврейства... многими среди российского еврейства был сделан категорический вы-

---

⁵ Маркиш Э. Столь долгое возвращение. Тель-Авив. 1988. С. 337–338.

бор: «Израиль – это родное, Россия – это в лучшем случае двоюродное, а то и вовсе чужое». Так рассуждали не только те евреи, которые уже тогда решили свою судьбу: вырваться в Израиль. Так же рассуждали и те, кто на работе утверждал обратное...⁶

О вводе наших войск в Чехословакию я узнал, сидя с друзьями в пивном баре на Цветном бульваре. Я сразу же почувствовал, что сделано было правильно. Мы, русские славяне, спасали чешских славян от возможной оккупации Запада, который всегда старались перемолоть, использовать и уничтожить славян. У меня улучшилось настроение, и я стал объяснять своим друзьям благотворное значение этого шага. Мы были довольны, зато два еврея за соседним столиком заметно погрустнели. А я встал с места, поднял кружку пива и громко произнес слова: «За успешный ввод наших войск в Чехословакию!» Подавляющая часть зала поддержала меня, кроме двух типов за соседним столиком, которые выскочили из бара как ошпаренные, даже не допили своего пива, что-то бормоча про антисемитов. Эти люди воспринимали русское дело как враждебное, а все антирусское как свое, национальное. Русских патриотов они называли невежественными скифами, темными неудачниками. Известный еврейский бард, сын большевистского комиссара Б. Окуджава в своем кругу глумился над русским людьми, смеялся над их искренностью и добродушием, называл это признаком неразвито-

---

⁶ Маркиш Э. Столь долгое возвращение. Тель-Авив. 1988. С. 337–338.

сти. Навсегда мне запомнился вечер в Доме техники на Мясницкой (тогда ул. Кирова) в 1967 или 1968 году. На этом вечере Окуджава открыто говорил, что не верит ни в Бога, ни в патриотизм. «Когда я родился, – заявил он, – меня не крестили, меня октябрили, вместо Библии была книга Ленина. Я душой связан с Октябрем».

Одно из высших выражений духовности человека – патриотизм – Окуджава считал свойством неразвитых людей, чувством, подобным «кошачьей привычке к одному дому». Такой примитивный взгляд на мир Окуджава выражал в своих песнях, которые он исполнял плохо, блея, чуть ли не икая.

Христианство принесло человечеству огромное богатство чувств, переживаний, нюансов постижения духа. В песнях Окуджавы все это отрицалось, опошлялось, обеднялось, сводилось к убогим представлениям космополитов, ориентированных на теплую квартиру и хорошую пищу, идеалы местечкового еврейства.

«Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия», – пел, бренча на гитаре, этот еврейский бард, тоскуя по временам, когда его соплеменники чувствовали себя полными господами великой страны.

Арбатство, растворенное крови,
Неистребимо, как сама природа, —

декларировал сын большевика. —

Ах, Арбат, мой Арбат!
Ты мое призвание,
Ты и радость моя, и моя беда.

Или:

Солнце, май, Арбат, любовь —
Выше нет карьеры...

Патриотизм воспринимался Окуджавой как опасность, как вызов его соплеменникам. Отсюда его патологическая ненависть к патриотам и русским. По Окуджаве, «стать патриотом» значит «смешаться с толпой», а русские – «рабы» и «язычники» (т. е. гои).

Все, что пел и говорил в этот вечер Окуджава, было своего рода антирусским манифестом либерально-еврейских кругов. С тех пор Окуджава стал для меня символом пошлости, космополитизма, мещанского духа местечкового еврейства, своего рода эталоном всего того, что нельзя принимать русскому человеку.

Под статью Окуджаве был и другой еврейский бард А. Галич, пьяница и наркоман, поразивший меня во время выступления в Политехническом музее (или ЦДЛ?) фантастическими рассказами о своих встречах (?) с Ф. Юсуповым, убийцей Г. Распутина. В мерзкой манере он сочинял гнусные подробности из жизни последнего русского царя, вываливая на память о нем все бездны собственной растленности

и ненависти к России.

Во второй половине 60—70-х годов вокруг Окуджавы, Галича, Слуцкого, Эйдельмана, Коржавина существовали кружки еврейско-космополитической интеллигенции, вызывавшие во мне отвращение не только из-за их растленно-антирусского духа, но и из-за смехотворных претензий на «элитарность» и «первенствующее положение» в русской культуре. В то время я с жадной любознательностью ходил по разным вечерам, лекториям, литературным встречам. Среди многочисленных выступавших и лекторов я скоро научился определять представителей этих еврейских кружков (причем, необязательно все они были евреи), вносявших в культурную жизнь диссонанс и местечковые разборки.

Особенно неприятные чувства во мне вызывали Н. Эйдельман и С. Рассадин с их самоуверенными и, по сути дела, невежественными рассуждениями о русской истории. Ее они коверкали так, чтобы языком событий прошедших эпох навести слушателей на определенные мысли о современной русской жизни. Вероятно, им казалось, что они поступают очень тонко и умно. На самом деле все это выглядело очень примитивно и малоубедительно. Ни одно из выступлений не обходилось без восхваления друг друга. Рассадин хвалил Эйдельмана, тот его, а все вместе пели дифирамбы Окуджаве, Галичу, Слуцкому и другим еврейским «гениям».

Почти физически я ощущал их убогий, одномерный мир безбожников, антипатриотов, пошляков, зацикленных на

своих племенных переживаниях и чаяниях, ненавидящих все русское и глумящихся над историей России. Это был мир того самого Хама, который после 1917 года громил русскую культуру, был повержен в эпоху Сталина и возрожден стараниями Хрущева... По отношению к русской жизни это был антимир – скучный, серый и пустой, ужасный своими потугами возвыситься над русскими людьми.

В 1968–1969 я несколько раз бывал на выступлениях еще одного еврейского барда В. Высоцкого. Безусловно, он выгодно отличался от Окуджавы. Во всяком случае, в нем не было пошлости и духа местечкового мещанства. Признаюсь, тогда он мне понравился. Не лишенный песенного таланта и за это принимаемый частью русских людей, деформированных десятилетиями космополитической власти, этот бард, тем не менее, а это я понял гораздо позже, был глубоко чужд России, примешивая в ее народную культуру несвойственные ей уголовные, блатные нотки. Как справедливо писал русский поэт С. Куняев: «Высоцкий многое отдавал за эстрадный успех. У «златоустого блатаря», по которому, как сказал Вознесенский, должна «рыдать Россия», нет ни одной светлой песни о ней, о ее великой истории, о русском характере, песни, написанной любовью или хотя бы блоковским чувством... Знаменитый бард ради эстрадного успеха, «ради красного словца» не щадил наших национальных святынь... Песни (его)... не боролись с распадом, а наоборот, эстетически обрамляли его».

Кумиры, на которых я тогда равнялся, были совсем иными. Патриотический дух привили мне родители, любовь к храмам и монастырям создала во мне совсем другую систему образов, к которой я тянулся. Конечно, главными были русская художественная и литературная классика, посещение Третьяковской галереи, музеев, чтение запоем исторических романов. Однако, как всякого молодого человека, меня тянула и современность, хотелось видеть, что великая культура, созданная в прошлом, прорастает и в нашу жизнь. Кумиры либерально-еврейской молодежи тянули нас либо снова к Гражданской войне в 20-е годы, либо на Запад. Для меня и моих друзей это было неприемлемо, интересы отпрысков еврейских комиссаров были нам чужды, их кумиры скучны и фальшивы. Их искусство было не настоящим искусством, а зашифрованной знаковой системой (вроде песенок Окуджавы), чтобы объединить своих. Мы же, русская молодежь, жаждали своих кумиров (в молодости это вполне естественно). И мы обрели их. Помню, первыми нашими кумирами стали великий русский художник Илья Сергеевич Глазунов и замечательный русский публицист Михаил Петрович Лобанов. Первый доказал нам, что великое русское христианское искусство успешно развивается и сейчас, второй – подтвердил нам, что наши взгляды на идеологию Окуджавы и других отпрысков еврейских комиссаров являются не мнением одиночек, а неотъемлемой частью великой реки русской национальной мысли. Во мне и в тысячах других русских людей

работы Глазунова и Лобанова создавали чувство уверенности в будущем нашего народа.

Художник Илья Глазунов – великий русский человек, далеко перешагнувший сферу живописи и ставший одним из глубочайших выразителей русского духа, духовным мыслителем, равным по своему значению И. Киреевскому, А. Хомякову, К. Аксакову, Н. Данилевскому. В созданных Глазуновым образах многие русские люди могли понять то, что было написано в произведениях самых выдающихся выразителей русской национальной мысли. Еще не познакомившись с трудами славянофилов, я получил от картин Глазунова много из того, что было написано в их книгах. Впервые на одну из выставок Глазунова еще в 1964 году меня привел отец. Помню возбужденные толпы и чувство великого, таинственного, родного, но еще мне не совсем понятного. Осознание величия трудов Глазунова пришло только в 1967–1968. Образы русской истории оживают для меня в картинах «Иван Грозный» и «Борис Годунов», «Князь Олег» и «Андрей Рублев», «Царевич Дмитрий» и «Русский Икар». Увлечаться Достоевским я стал после знакомства с иллюстрациями к его произведениям Глазунова. Через видение Глазунова мне стали более доступны многие персонажи книг Мельникова-Печерского, Лескова, Гончарова, Лермонтова, Островского. Помню, как с друзьями мы рассматривали иллюстрацию Глазунова к А. К. Толстому «У фрески «Страшный Суд». Возле своей кровати я повесил вырезанную из журна-

ла картину «Господин Великий Новгород».

Через много лет, познакомившись с Ильей Сергеевичем лично, подолгу беседуя с ним, я понял, какого труда стоило ему пробиться с русскими образам через враждебную среду. С первых его успехов на него ополчились еврейские критики во главе с Б. Иогансоном. Критиков раздражало увлечение художника древнерусской живописью. В традициях пролеткульта они обвинили Глазунова в «достоевщине» и «поповщине», приводя при этом цитаты из Ленина. Еврейские круги относились к Глазунову с нескрываемой ненавистью, объявляя его картины враждебными социализму.

Искусство Ильи Глазунова стало знаменем нарождающегося русского движения, символом мира русских патриотов. Можно даже сказать, что к концу 60-х Глазунов стал своего рода неформальным лидером «русской партии». Я и мои друзья, не задумываясь, «вступили» в эту партию.

В апреле 1968 в журнале «Молодая гвардия» появилась статья М. П. Лобанова «Просвещенное мещанство». Чтение этой статьи произошло как раз после нашего похода на вечер Б. Окуджавы, вызвавший у нас отвращение. Лобанов сформулировал то, что еще неосознанно бродил о в наших душах. Он обозначил одну из главных характеристик того, чего мы не хотели принять как враждебное русской культуре – «просвещенное мещанство», проявление местечковой еврейской культуры. «Все на свете можно опошлить, – писал Лобанов, – и в этом бессмертная заслуга бессмертного мещанства». Ав-

тор коснулся в статье и пресловутого Окуджавы, справедливо показав его чуждость для России. В статье подчеркивалось разлагающее влияние местечкового мещанства на русскую культуру. В свою записную книжку я занес цитату из этой статьи, которую потом не раз зачитывал: «У мещанства мини-язык, мини-мысль, мини-чувство – все мини. И Родина для них мини». Мы были в восторге! Сам Лобанов рассказывал мне позднее, что реакция либерально-еврейских кругов была страшной, как будто он посягнул на их «самое святое». Лобанова травили, не давали печататься. Мужественный, стойкий человек, фронтовик, тяжело раненный на Курской дуге, Лобанов не поддался на попытки еврейских кругов заставить его замолчать. Для русской молодежи он стал одним из любимых авторов, его статьи и книги мы читали в первую очередь.

После Глазунова и Лобанова среди русской молодежи большой популярностью пользовался писатель Владимир Алексеевич Солоухин. Впервые я его увидел в каком-то студенческом клубе (возможно, МАИ), где он выступал вместе с нашим кумиром Глазуновым в рамках клуба «Родина». Он был известен как автор замечательной книги о русском культурном наследии «Письма из Русского музея». В своей патриотической деятельности Солоухин так же, как и мы, был последователем Глазунова. Вместе с последним он стал одним из зачинателей общественного движения за сохранение национального, культурного достояния, историче-

ских памятников и достопамятных мест. Мы не знали, что уже тогда Солоухин собирал материалы для книги «Последняя ступень», где остро ставил вопрос о еврейском засилье в России, о стремлении иудейских вождей к мировому господству над человечеством⁷.

Клуб «Родина», о котором я упомянул выше, стал местом притяжения русской национальной молодежи. Лично я участвовал только в отдельных вечерах и лекциях клуба «Родина», проводимых в институтских домах культуры, «красных уголках» студенческих городков. Главная же деятельность «Родины» заключалась в безвозмездной помощи в восстановлении Крутицкого подворья и других памятников русской архитектуры в Коломенском, Радонеже, Больших Вяземах. На отдельных вечерах, помню, присутствовали писатель Л. Леонов, певец И. С. Козловский, поэты Г. Серебряков, И. Лысов, а чаще всех знаменитый архитектор-реставратор П. Д. Барановский, один из руководителей клуба. Именно здесь я впервые увидел замечательных русских общественных деятелей того времени – Василия Дмитриевича Захарченко (гл. редактор журнала «Техника – молодежи»), Виктора Алексеевича Виноградова и Олега Игоревича Журина. Два последних были архитекторами, учениками Барановского, впоследствии видными активистами общества «Память».

---

⁷ Об этом Солоухин рассказал мне в сер. 90-х годов. Он очень боялся, что у него обнаружат эту книгу, и отвез ее на хранение в США, передав архиепископу Антонию в Лос-Анджелесе, завещав опубликовать ее в случае своей смерти. Писателю удалось издать ее при жизни в 1995 г.

Среди активистов клуба «Родина», наверно, впервые в СССР стала распространяться антиссионистская литература. Солоухин рассказывал мне, что именно здесь он впервые познакомился с «Сионскими протоколами».

В этом же году отец принес мне почитать сильно затертую, ставшую почти ветхой от рук сотен читателей книгу Ивана Михайловича Шевцова «Тля». В ней впервые в советский период рассказывалось об идеологической борьбе патриотов и космополитов. Шевцов высказал вслух то, о чем перешептывались на своей кухне многие честные, но робкие интеллигенты, не решаясь открыто обсуждать опасность сионизма, боясь получить клеймо антисемита. С этим великим русским патриотом я познакомился и подружился только в конце 90-х годов. Но с первого романа полюбил его, чувствуя родственную душу. С юношеских лет Шевцов испытал на себе опасность сионистского подполья. Еще будучи школьником, работая литсотрудником в Шкловской районной газете, Шевцов был удивлен, что весь аппарат редакции, начиная с корректора и кончая редактором, состоял из евреев, которые между собой разговаривали только на идише⁸. И в дальнейшем, при частой смене редакторов, все оставалось по-прежнему. Когда Шевцов начинал сотрудничество в газете, редактором был Гершман, его сменил Герцович, потом Роберман

---

^{8 1} Здесь и далее рассказ о деятельности И. М. Шевцова дается в изложении самого Ивана Михайловича. Впервые опубликован мною в энциклопедическом томе «Русский патриотизм» (М., 2003).

и, наконец – Трапер. Сельского паренька удивило и то, что все руководство района было еврейское. Когда он поступил в педтехникум г. Орши и стал сотрудничать в городской газете в качестве внештатного репортера, увидел то же самое, что и в редакции шкловской газеты. В Орше пединститут и педтехникум размещались в одном здании. Юноша обратил внимание, что директором института был Левин, а техникума Тодрин – оба евреи. Посещая по заданию редакции предприятия города, Шевцов увидел ту же картину: директора и главные инженеры заводов – евреи по национальности. Проницательный юноша не мог не задуматься над таким нелогичным явлением, не анализировать: почему эта немногочисленная нация занимает командные посты? А тут еще подвернулся случай, коснувшийся лично Шевцова. Студент-однокурсник, некто Маневич, с которым Шевцов откровенно поделился своими наблюдениями, написал в дирекцию донос, обвинив Шевцова в антисемитизме. Реакция последовала незамедлительно: Шевцова, даже без формального разбирательства, исключают из техникума. Но вмешалась республиканская газета, опубликовавшая статью своего корреспондента «Как в Орше понимают бдительность», и приказ об исключении был отменен. Но оскорбленный юноша не пожелал возвращаться и поступил в Саратовское училище пограничных войск. Шел 1938. Тогда многие юноши мечтали о героической романтике. С мечтой о границе связывали самые благородные стремления и жажду подвига, к чему и

стремился Шевцов. Но шкловская история навсегда отложилась в восприимчивой юношеской памяти Шевцова. Он анализировал ее и будучи начальником погранзаставы в 1940–1941, и разведчиком, и командиром роты в битве за Москву, и особенно в последние годы войны, когда он работал в редакции журнала «Пограничник», где в аппарате и среди авторов было всего 2 славянина, включая самого Шевцова.

Борьбу с космополитами в конце 40-х Шевцов встретил в должности специального корреспондента газеты «Красная звезда», где на смену гл. редактору Ортенбергу пришел генерал-славянин Фомиченко.

Русская патриотическая интеллигенция встретила борьбу с космополитизмом с пониманием и одобрением. Для журналиста Шевцова, познавшего еще в молодости засилье евреев во всех сферах жизни, их высокомерие и подрывную деятельность, еврейский вопрос приобретает особую актуальность, достойную серьезного исследования и анализа. Он включается в борьбу с сионистами. В 1944 на страницах газеты «Красная звезда» появляется большая статья «Против антипатриотов в батальной живописи», подписанная И. Шевцовым и руководителями студии военных художников им. Грекова.

Иван Михайлович был, по сути дела, первым крупным советским писателем, который открыто выступил против развращающего влияния еврейства в русской культуре. Шевцов подробно рассказал мне, как создавался его знаменитый ро-

ман «Тля». Казалось, что время для издания было самое подходящее (1946–1948) – разгар борьбы с безродными космополитами, под которыми подразумевались евреи-сионисты. Однако даже в это время издать роман было нелегко. Иван Михайлович передавал мне ощущение тех лет:

«Я – молодой военный журналист – был дружен с художниками студии им. Б. М. Грекова и погранвойск. Там тоже часто звучали нелицеприятные слова «формалист», «космополит», «абстракционист». Сюжеты, характеры и образы действующих лиц – искусствоведов и художников лежали на поверхности, сами просились на бумагу. Да и с фамилиями, по молодости, я не видел проблем: главных персонажей назвал Осип Давидович Гершман (искусствовед) и Лев Михайлович Барселонский (живописец). Но именно они-то и вызвали «вопрос» у директора издательства «Молодая гвардия» И. Я. Васильева: «Почему Гершман? Еврея нельзя изображать отрицательным. Еврей должен быть либо хорошим, либо отличным. Меняй фамилию на явно русскую, например, Иванов». – «А можно на русско-украинскую? – спросил я. – Иванов-Петренко, к примеру». – «Валяй. На Украине Гершманов тоже полно, – согласился Васильев. – Вот только Лев Барселонский подозрительный». – «Но он же не Шкловский, не Могилевский, не Слонимский, – успокоил я. И дальше развил: – Представь себе русского парня-художника с фамилией Мудянка. И он решил поменять ее на звучную, иностранную: Барселонский. Почему испанскую?

Да просто нравились ему ее живописцы: Веласкес, Эль Греко». Васильев согласился на Барселонского. Это было в 1950 году. Книгу заблокировала цензура на целых 14 лет. В свет появилась «Тля» только в 1964 году.

Я не ожидал такой бурной, истеричной реакции на обыкновенную книгу о художниках. А тут радиоволны «Голоса Израиля», Би-би-си и прочих «голосов» заявляют: мол, впервые в СССР издан антисемитский роман... Караул! И следом – дюжина разгромных статей почти во всех центральных газетах. Библиотекам дана негласная команда: роман читателям не выдавать. На меня был навешан ярлык «анти-семита» и «фашиста». А между тем в романе нет слов ни «сионист», ни «еврей». В персонажах романа прототипы узнавали себя. Так, матерый сионист Илья Эренбург разразился гневной статьей, которую затем включил в собрание своих сочинений».

На Ивана Михайловича обрушился шквал самой гнусной клеветы. Сионисты книгу скупали и сжигали. Во дворе московской синагоги устроили костер из 2 тыс. экз. «Тли». Зато среди читателей роман пользовался большим успехом. Шевцов стал одним из самых популярных русских писателей. Выход романа свидетельствовал о том, что и в верхних эшелонах власти есть немало людей, понимающих опасность сионистского подполья. В частности, Шевцова активно поддержал член Политбюро, первый зам. главы правительства Д. С. Полянский, за что и поплатился своей карьерой вместе с дру-

гими партийными функционерами, выразившими свои симпатии Шевцову и его роману. Главным же гонителем Шевцова был идеолог партии Суслов.

С тех пор отношение к Шевцову и его роману в общественно-литературных кругах стало своеобразным барометром, определяющим уровень национально-патриотического и гражданского самосознания. Кто-то, пугливо озираясь, пожимал в темных коридорах руку и говорил: «Мысленно мы с вами!» Кто-то поспешил откреститься от знакомства с опасным писателем.

Пример Шевцова показал, что бороться с сионистским подпольем хотя и опасно, но возможно. Имя Шевцова объединило многих русских писателей-патриотов. В середине 60-х Иван Михайлович купил себе дом в 5 км от Троице-Сергиевой лавры в поселке Семхоз. Он посоветовал своим друзьям-единоверцам поэтам В. Фирсову и И. Кобзеву поселиться рядом с ним. Вслед за ними в Семхоз потянулись и другие известные московские писатели: поэты В. Сорокин, Г. Серебряков, Ф. Чуев, С. Поделков, В. Осинин, С. Куняев, прозаики И. Акулов, А. Иванов, И. Лазутин, А. Блинов, Н. Камбалов, С. Высоцкий, Б. Орлов, критик В. Чалмаев. Всех их объединяла общность взглядов, любовь к родному Отечеству, неприятие сионистского засилья и диктата еврейских писателей в творческих союзах СССР вообще и в Московской организации в частности, состоявшей в ту пору на 86 % из иудеев. Подмосковный поселок Переделкино был вотчи-

ной преимущественно еврейских писателей. Группа «радо-нежцев» считалась неформальной писательской организацией, о которой вскоре заговорили в литературных кругах. Даже радиостанция Би-би-си в одной из своих передач объявила, что «черносотенец Шевцов создал под Загорском в поселке Семхоз анти-Переделкино». Для русской молодежи писательский поселок стал местом паломничества. Я, в частности, ездил к И. Кобзеву и Г. Серебрякову. Несколько раз мы приезжали сюда, гуляли в окрестностях Абрамцева, а потом шли в Семхоз. Позднее, собираясь пораньше, мы сначала ехали в Троице-Сергиеву лавру, а затем бродили по «радонежью».

К концу 60-х годов я и мои друзья окончательно духовно определились. Нашим последним университетом и национальным клубом стало Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Созданное в 1966 в ожесточенной борьбе с либерально-еврейским подпольем (объявлявшем его антисоветской организацией), ВООПИК включило в свое руководство почти всех главных кумиров русской молодежи – Глазунова, Солоухина, Корина, Леонова, Барановского.

ВООПИК стал, с одной стороны, центром спасения и реставрации русского культурного наследия, с другой – мощным рупором его пропаганды. Первоначально центральный ВООПИК разместился в Высокопетровском монастыре. Энтузиасты общества организуют многочисленные лекции по

истории русской архитектуры, живописи, литературы. При обществе создается секция по шефству над памятниками русской культуры, ее члены регулярно по воскресным дням собираются для безвозмездной помощи на реставрацию конкретных памятников. После тяжелого физического труда с лопатами и носилками организуется чаепитие, во время которого обсуждаются разные проблемы – от современного положения страны до «Протоколов Сионских мудрецов». Для многих молодых людей ВООПИК становится национальным клубом, где, может быть, впервые за годы советской власти свободно обсуждались ранее запретные темы. Здесь можно было получить редкую национальную литературу, например, произведения славянофилов, а также антисионистские издания. Именно здесь мне впервые дали почитать книги Дикого «Евреи в России и СССР» и Селянинова «Тайная сила масонства». Здесь же ходили отпечатанные на машинке списки членов первого советского правительства, очерк о еврейском происхождении Ленина. Знакомства, завязанные в ВООПИК, нередко перерастали в дружбу. После некоторых мероприятий в Обществе мы шли к кому-нибудь домой и беседовали там допоздна.

Высшим воплощением национального клуба в рамках ВООПИК был созданный в 1968 под крышей секции по комплексному изучению русской истории и культуры Русский клуб. Название было неофициальным, протоколов и записей заседаний его не велось. В работе этого клуба я лично, по

молодости, участия не принимал, но был много наслышан о нем. В этом клубе впервые за многие годы начинают обсуждаться животрепещущие вопросы формирования и развития русской культуры и духовности. В национальный оборот снова включаются ранее запрещенные даже упоминаться имена выдающихся русских деятелей и мыслителей прошлого: Данилевского, Каткова, Розанова, Леонтьева, Победоносцева, Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского. «Русский клуб» возглавляли писатель Д. А. Жуков (председатель), историк С. Н. Семанов и П. В. Палиевский (заместители), а от аппарата ВООПИК клуб курировал И. А. Белоконь. В течение нескольких лет клуб был центром формирования и развития русской патриотической мысли. Лучшие умы России пытаются осмыслить причины трагедии, постигшей Отечество. Клуб собирался в Высокопетровском монастыре в Москве. На его заседаниях, кроме уже перечисленных выше деятелей ВООПИК и участников конференции в Новгороде, активно работали: В. А. Чивилихин, В. А. Чалмаев, В. В. Сорокин, И. И. Кобзев, И. С. Глазунов, Ю. Л. Прокушев, Г. В. Серебряков, С. Г. Котенко, И. А. Кольченко, О. Н. Михайлов, Н. М. Сергованцев, А. И. Байгушев, О. И. Журин, В. А. Виноградов, М. П. Кудрявцев, В. Д. Захарченко, Л. П. Кабальчик, Н. А. Сверчков, З. А. Ткачик, А. П. Ланшиков, Е. И. Осетров, А. В. Никонов, С. Ю. Куняев.

«Организационно, – писал один из членов «Русского клуба» А. И. Байгушев, – мы приняли церковную структуру.

Монастырь, Петровка, 28, был у нас чистилищем. Здесь был как бы открытый храм, и сюда свободно в любой день, в любой час могли зайти на постоянную службу, т. е. на любое мероприятие, любой творческий вечер, русские миряне. Здесь мы приглядывались в новым лицам, отбирали, кого какими интересами привлечь, а кого постараться под тем или иным предлогом «отшить». Постоянные и проверенные (в общении, в «соблазнах», мы не гнушались и анкетой) попадали под негласный статус оглашенных. Их мы уже сами начинали настойчиво приглашать на русские мероприятия, давали несложные, больше для проверки, просветительные поручения. Из «оглашенных» лучшие попадали в «верные» и уже могли посещать наши «русские вторники», на которых шла основная духовно-строительная работа. Здесь поочередно каждым из наиболее активных членов «Русского клуба» делался доклад на предложенную им самим русскую тему».

«Мы, – сообщает тот же член клуба, – не решались начинать хотя бы закрытые собрания «Русского клуба» с молитвы. Хотя священники появлялись рядом с нами на наших «светских» собраниях впервые не замаскированно, не стыдливо, а гордо в облачении и при регалиях, но нам только еще предстояло вернуть... самим себе собственное русское достоинство, чтобы не дрожать перед иудо-атеистами, а гордо осенять себя на людях нашим православным крестом. Однако «безмолвие» (исихазм) и благородный «византизм» сра-

зу стали духовными знаменами «Русского клуба». В. Д. Иванов, знаменитый исторический писатель, автор «Руси изначальной» и «Руси Великой», с первых же шагов «Великорусского монастыря» стал его иереем. После многих лет преследования и травли он с особенным жаром отдавался клубу, найдя здесь самую благородную, затаив дыхание слушающую его аудиторию. И то же надо сказать об О. В. Волкове, не сломленном многолетним ГУЛАГом публицисте, дворянине самых высоких кровей, вдруг радостно увидевшем, что Россия еще жива, что идет молодая здоровая смена, в которой не убит масонским интернационализмом православный русский дух».

Несмотря на возвышенный «византизм» и внешне почти церковные формы организации «Русского клуба», большинство его членов оставались практически неверующими и невоцерковленными людьми, хотя все они осознавали огромную созидательную и жертвенную роль Православной церкви в русской истории и культуре. Осуждая еврейский большевизм за геноцид русского народа, они вместе с тем не смешивали его с русским государственным направлением, которое придал коммунистической власти И. В. Сталин. Более того, некоторые члены клуба были горячими почитателями этого великого человека. Положительный опыт сталинских национальных реформ 1940-х – начала 1950-х, остановленных космополитическим режимом Хрущева, подталкивал их к абсурдной мысли о возможности соедине-

ния большевизма с Православием (С. Н. Семанов) или, как иначе выражались Г. М. Шиманов и М. Ф. Антонов, «соединения Нила Сорского и Ленина», Православия с ленинизмом. Конечно, такие мысли могли возникнуть только в атеистическом сознании. По мере его изживания и воцерковления взгляды «национал-коммунистов» менялись в сторону традиционной русской идеологии.

Деятельность ВООПИК как национального клуба внесла большой вклад в возрождение национального сознания и в воспитание сотен, а может быть, даже тысяч русских людей в духе любви к традиционным русским ценностям Отечества и в беззаветном служении им.

Естественно, все это очень беспокоило сионистское подполье и связанные с ним структуры КГБ СССР. Сегодня мне достоверно известно от бывших работников КГБ, что эта организация внедрила в ВООПИК десятки своих информаторов и агентов влияния. Делалась попытка превратить эту организацию из патриотической в космополитическую и формально-бюрократическую. В некоторой части антрусским силам этого добиться удалось. Работой по разложению ВООПИК как патриотической организации начал заниматься еще в составе Второго главка КГБ (контрразведка) начальник отдела подполковник Бобков, тесно связанный с антирусскими, сионистскими элементами. Впоследствии он возглавил Пятое управление КГБ, главной задачей которого стала борьба с русским национальным движением. В борь-

бе с ВООПИК Бобков потерпел полное фиаско. Подавляющая часть агентов, с помощью которых он рассчитывал разложить ВООПИК, прониклись патриотическим взглядами и отказались проводить антирусскую работу⁹, к оставшимся же в ВООПИК относились, как к прокаженным. Позорная судьба Бобкова известна всем – в конце 80-х годов он открыто перешел на службу еврейскому капиталу¹⁰, верным цепным псом которого был всегда.

---

⁹ Мне известны имена некоторых из них, несколько человек еще живы и пользуются заслуженным авторитетом в патриотических кругах, доказав своей жизнью приверженность русскому делу.

¹⁰ Бобков возглавил Службу безопасности международного афериста В. Гусинского. Продолжал собирать досье на русских патриотов.

Глава 6

Учеба в Кооперативном институте. – Дружья-наставники. – Наука, история и патриотизм. – Национальное воспитание. – Книги и романтические увлечения

Увлечение историей, многочисленные встречи и походы с друзьями, довольно беспорядочный образ жизни вырвали меня из обычной колеи жизни. В начале 1968 г. мои сверстники уже готовились к поступлению в институт, а я еще оставался с аттестатом об окончании восьми классов. Вечернюю школу я фактически забросил. Мама была в отчаянии. Помог случай. У одного из наших соседей я узнал, что недалеко от нашего дома работает школа, при которой существуют курсы по сдаче экзаменов за десятилетку экстерном. Однако туда принимали только взрослых, не моложе 25 лет. Я пошел к директору этих курсов, объяснил ему свою ситуацию, рассказал о своем увлечении историей и нашел в нем единомышленника-патриота. Директор посоветовал мне заручиться письмом от руководства организации, в которой я работал, чтобы мне «в порядке исключения» позволили поступить на эти курсы и сдать экзамены экстерном. Отец легко подписал это письмо, а директор получил разрешение РОНО. На курсы я попал уже перед самыми экзаменами, а в

июле месяце успешно их сдал. Тем не менее отнести документы для поступления в Историко-архивный институт я не успел. Прием был уже закончен. Выручила моя «палочка-выручалочка» по жизни сестра отца тетя Марина. Она договорила, чтобы мои документы приняли в Московский кооперативный институт на экономическое отделение. «Сдавай экзамены сюда, — сказала она мне, — а потом мы договоримся о твоём переводе в историко-архивный».

В институт я поступил, а дальше все получилось иначе. В сентябре первокурсников отправили почти на месяц на картошку в подшефный совхоз, где я познакомился с людьми, значительно повлиявшими на мою дальнейшую жизнь. Это были доценты кафедры политической экономии Андрей Тихонович Миндаров и Владимир Александрович Ерпылев. Они были направлены сопровождать студентов. Миндарова и Ерпылева объединяли патриотизм, любовь к своему делу, редкая эрудированность в экономических и исторических вопросах и слава людей, попавших в опалу. И тот и другой за свои патриотические убеждения были уволены — один из Института международных отношений (МГИМО), другой из Московского университета. Миндаров к тому же до 1955 года служил консультантом в аппарате тогдашнего Председателя Совета Министров СССР Маленкова. Как позднее я понял из их рассказов, оба они «пострадали от жидов». Оба стали для меня настоящим кладом знаний. Узнав о моих исторических увлечениях, они прониклись ко мне сим-

патией и охотно удовлетворяли мою любовь к знаниям. Андрей Тихонович был спокойным, рассудительным, тщательно взвешивал каждое свое слово, Владимир Александрович нередко рубил сплеча, мог быть резок, в спорах часто слов не выбирал. Но в главном оба они были единомышленниками и взаимно дополняли друг друга. Они сильно переживали, что в центральных органах власти работает «много мерзавцев, настроенных в пользу Запада». Миндарову в 1954–1956 гг. приходилось сталкиваться с А. Н. Яковлевым, в то время работником аппарата ЦК КПСС. Это редкий карьерист, применявший для достижений своих целей самые грязные методы – распространение лживых слухов (чтобы дискредитировать своих конкурентов) и главное – донос. В то время я еще мало знал о нравах в высших эшелонах власти. Андрей Тихонович рассказал мне историю, в то время обсуждаемую всей патриотической Москвой – как Яковлев написал донос в Политбюро на главного редактора журнала «Огонек» Сафонова, занимавшего патриотические позиции. В доносе Яковлев информировал начальство, что Сафонов является великодержавным шовинистом, его отец был городовым и убит революционерами. «Можно ли, – спрашивал он, – такому человеку доверять партийный журнал?» В доносе было много других гнусных подробностей, которые возмутили даже непритязательных начальников Яковлева. Один из них, по слухам, сказал доносчику – «стучать надо умно». «А что же, Яковлева за эту подлость не уволили из ЦК?» – спро-

сил я. «Нет. Более того, доносчик понравился Суслову, который стал «двигать» его по служебной лестнице». Работа в МГИМО, Миндаров некоторое время готовил материалы для группы консультантов генсека ЦК КПСС, возглавляемой Бурлацким, однако вскоре, поняв их проеврейские, прозападные позиции, отошел от них. «Группа Бурлацкого, – рассказывал Андрей Тихонович, – состояла либо из евреев, настроенных сионистски (Арбатов и Иноземцев), либо были женаты на еврейках (Бовин)». Именно эта группа поссорила СССР с Китаем, разрушив единый политический фронт двух великих стран. В группе Бурлацкого было составлено печально известное «Открытое письмо ЦК КПСС» китайскому руководству, в котором, по сути дела, Китаю объявлялась холодная война. Разрыв с Китаем, а впоследствии и с Албанией, объяснял мне Миндаров, резко ухудшил международное геополитическое положение СССР. Морские и воздушные коммуникации Китая и Албании имели большое стратегическое значение для развития обороны нашей страны. Кроме того, единое союзническое пространство обеспечивало эффективный общий фронт, противостоящий западному экспансионизму и агрессии. В результате СССР не только ослабил свои мировые позиции, но и получил по всей советско-китайской границе постоянный очаг напряженности. Все это отвлекало силы СССР и позволило США начать осенью 1954 года агрессию против Вьетнама и не особенно стесняться в провокационных действиях против Кубы,

Северной Кореи, ГДР, а также государств Ближнего Востока. Деятели из группы Бурлацкого, рассказывал мне Миндаров, были настроены космополитически. Их «культурными кумирами» являлись Е. Евтушенко, Б. Окуджава, Ю. Любимов и подобные им еврейские деятели, с которыми они были связаны длительными личными отношениями. Абсолютно далекие от понимания национальных интересов России, более того, даже враждебные к ним, советники-космополиты рассматривали нашу Родину как обочину европейской цивилизации, давая своим хозяевам советы, многие из которых носили антирусский характер. Маскируя свою антигосударственную деятельность привычной марксистской фразеологией, эти партийные советники постепенно подталкивали политическое руководство страны к принятию решений, ставших первыми шагами к подрыву международного положения СССР и его политической стабильности. Склоняя окружение Брежнева к умалению значения русского народа и его культуры, консультанты группы Бурлацкого одновременно ориентировали СССР на уступки западным странам, лишая его главного стратегического союзника – Китая.

Доверительные, почти дружеские отношения (какие могут быть у студента с преподавателем), установившиеся у меня с Миндаровым и Ерпылевым, позволили мне получать систематические, достаточно серьезные знания, которые я в то время обычным путем никогда не смог бы иметь. Именно они дали мне правильное, грамотное понимание еврей-

ского вопроса. Главное, что ни тот, ни другой не сводили его к национальному вопросу, а считали идеологическим. В столкновении русских с евреями Миндаров и Ерпылев видели, прежде всего, не столкновение «крови», а столкновение диаметрально разных мировоззрений, взглядов на жизнь. Миндаров стоял почти на христианской позиции, близкой той, которую впоследствии отстаивал мой главный наставник митрополит Иоанн – русских и евреев разделяет вера, отступить от которой для каждой стороны невозможно. Православие – вера настоящая и единственная, жизнь русского. Талмуд с «иудейским избранничеством» и жизненным принципом «бери от жизни все» – настоящая жизнь еврея. Для русского главная часть жизни в сфере духовной, для еврея в сфере материальной. Это не означает, конечно, что русскому не нужно материального, а еврею – духовного. И Миндаров, и Ерпылев считали, что, начиная со второй половины XIX века, избраннические амбиции еврейских группировок сыграли трагическую роль в судьбе русского государства. Опуская рассказанные мне подробности участия евреев в революции 1917 года, сейчас известные всем, хочется вспомнить их рассказы (впрочем, рассказывал об этом главным образом Миндаров) о попытке евреев создать свою республику в Крыму. Это событие они считали «мировым еврейским заговором», так как в этой попытке, кроме советских евреев, участвовали международные еврейские финансовые круги. По данным, которыми располагал Миндаров,

история создания этой республики уходит корнями в первые годы советской власти. Идея создания этой республики принадлежала Троцкому, Каменеву и Зиновьеву, которые согласовали ее с международными сионистскими кругами¹¹. Об этом совершенно секретном соглашении ходили фантастические слухи в кулуарах ЦК, рассказывали, что Троцкий под этот проект получил большие деньги от сионистов. В начале 20-х для реализации этого проекта в Крым были переселены несколько сот еврейских переселенцев. Однако тогда это дело по разным причинам не удалось. В очередной раз к нему возвратились после войны. Международные сионистские организации снова предлагали деньги в обмен на еврейскую республику, но в этот раз они имели дело не с Троцким, а со Сталиным. В конце 1947 года группа ведущих советских сионистов во главе с Михоэлсом и Фефером была приглашена для беседы к Молотову и Кагановичу. На этом заседании Каганович и Молотов предложили Еврейскому антифашистскому комитету составить письмо на имя Сталина с просьбой передать Крым для образования еврейской республики. Письмо было составлено, и его предложили подписать многим еврейским деятелям.

Однако среди руководителей еврейских националистов возникли серьезные разногласия по этому вопросу. Так, один из самых влиятельных лидеров сионистского движения

---

¹¹ Впоследствии я получил подтверждение этим данным из уст еще одного хорошо информированного источника – бывшего помощника Берии Людвигова.

П. Маркиш составил другое письмо, в котором предлагал передать евреям земли бывшей республики немцев Поволжья с центром в городе Энгельс. Такой акт, писал Маркиш, явился бы актом «величайшей исторической справедливости», — «после всего того, что немецкий народ причинил еврейскому народу». Однако предложение Маркиша не было поддержано и Сталину было передано письмо с ходатайством о Крыме.

Слепое стремление сионистских деятелей любой ценой собрать евреев в Крыму в ущерб другим народам, вызвало раздраженную реакцию Сталина, который справедливо расценил поведение сионистских деятелей как международный еврейский заговор. В январе 1948 был казнен Михоэлс, позднее арестовали жену Молотова. Доверия Сталина лишились Молотов и Каганович. Заговор сионистов сильно дестабилизировал политическое положение в СССР и сыграл роковую роль в жизни Сталина. Миндаров утверждал, что стремление создать еврейскую республику в Крыму международные сионистские деятели не оставляли и после прихода к власти Хрущева и Маленкова. Сионисты настаивали на выполнении соглашения, заключенного от имени советского правительства Троцким. Они требовали либо создания еврейской республики в Крыму, либо возвращения денег, выделенных ими под этот проект советскому правительству в 20-е годы. Передача в 1954 Крыма из состава СССР в состав УССР, по мнению Миндарова, была неуклюжей попыткой советских властей закрыть вопрос об обязательствах перед

международными сионистскими организациями о переселении в Крым евреев. Так как договор был заключен от имени РСФСР, СССР по прежним обязательствам РСФСР формально не отвечала.

Общение с Миндаровым и Ерпылевым во время учебы в Кооперативном институте стало для меня особым научным курсом. По их рекомендации я прочитал большое количество экономической литературы, к концу учебы подготовил несколько научных работ по политэкономии и экономической истории, получивших одобрение с их стороны.

Однажды где-то в 1969 или 1970 Андрей Тихонович под строгим секретом познакомил меня с отдельными номерами так называемого «Политического дневника», циркулировавшего в еврейско-космополитической части советской интеллигенции. Отпечатанный на машинке, он содержал сведения, полученные по каналам зарубежных радиоголосов и американского посольства. Акценты в нем расставлялись чисто сионистские. В «Политическом дневнике» поддерживалась борьба «правозащитников» вроде Даниеля и Синявского, в деятельности советского правительства разоблачались «козни сталинистов». Зато полностью отсутствовало все то, что действительно могло волновать русских людей, — преследование православных священников и верующих, закрытие и снос церквей, катастрофическое положение национальных памятников и святынь. Миндаров получал этот «Дневник» от сотрудника журнала «Коммунист» Е. Фроло-

ва. По его словам, антирусский по своему характеру пропагандистский листок выпускался Роем Медведевым, а материалы ему поставляли Ф. Бурлацкий, Л. Карпинский, Э. Генри и ряд других очень важных лиц, близких ЦК КПСС. Имен их он тогда не назвал. И уже потом через много лет мне удалось узнать, что среди поставщиков информации и разных деятелей, связанных с «Политическим дневником», были такие известные русофобы, как Г. Арбатов, А. Бовин, Е. Гинзбург, В. Лакшин, О. Лацис, Ю. Любимов, Ю. Черниченко и Г. Шахназаров. Все эти люди еще тогда были связаны незримыми нитями с американским посольством, а значит, и ЦРУ, ибо по «этике» Госдепартамента США все контакты с советскими гражданами должны были контролироваться этой службой, по крупицам собиравшей сведения о внутренней жизни всех причастных к советскому правящему слою. Лица, причастные к созданию «Политического дневника», стали первым контингентом для подготовки агентов влияния в политическом руководстве СССР – прежде всего это касается Арбатова, Бовина и Шахназарова, ставших со временем ближайшими советниками генсеков ЦК КПСС – Брежнева, Андропова, Горбачева.

Помню, в одном из старых номеров «Политического дневника» (за 1966), принесенного мне Миндаровым, было письмо к Брежневу ряда еврейских и космополитических деятелей с призывами «не допустить возвращения к сталинизму». В подтексте письма явно чувствовалась ностальгия о том

досталинском времени, когда еврейские большевики полностью контролировали власть над русским народом. Подписантов меньше всего волновали невинные жертвы того времени, а чувствовалось желание вернуться в тот золотой век еврейских большевиков, снова установить свою власть по законам Талмуда.

Тогда меня очень удивило, что среди подписей разных еврейских и космополитических деятелей стояло имя русского художника Павла Корина, неизмеримо далекого от этой воинственной антирусской среды. Андрей Тихонович объяснил мне, что подпись от тяжело больного (вскоре он умер) русского художника была получена обманом организатором письма Э. Генри. Последнего мой учитель характеризовал как «хитрого, воинствующего сиониста, служившего одновременно и в КГБ, и в ЦРУ». Андрей Тихонович, хорошо знавший Генри, рассказывал о нем как о подлейшей личности. Когда в 1969 стал публиковаться в журнале «Октябрь» роман В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?» о подготовке западными спецслужбами агентов влияния среди еврейских кругов советской интеллигенции, многие узнали среди персонажей романа черты личности Э. Генри. Да и сам прототип узнал себя, и рассказывали, что был взбешен. Осенью 1969 он написал донос на Кочетова в КГБ и ЦК КПСС, где обвинил его в антисемитизме, а также организовал коллективное письмо «советской интеллигенции» против публикации романа «Чего же ты хочешь?» отдельной книгой. В нашем ин-

ституте роман пользовался большой популярностью. В библиотеке института на прочтение его в журнальном варианте выстроилась очередь в несколько десятков человек.

Учился в институте я легко и с удовольствием. Освоение основных предметов не составляло для меня труда, три четверти времени я тратил на самообразование и свои увлечения. С помощью Миндарова я составил план проработки научной и художественной литературы, которая не входила в программу института. В план вошли более 50 авторов, представлявших лучшие образцы русской и зарубежной философии, экономики и литературы.

В части философии, например, сюда вошли Платон, Аристотель, Плотин Бэкон, Гельвеций, Кант, Гегель, Фейербах, Ницше, Шопенгауэр, Кьеркегор, Камю, Ломоносов, Болотов, И. Киреевский, Хомяков, Аксаков, Н. Я. Данилевский, Соловьев.

В части экономики в план входили А. Смит, Д. Рикардо, Пети, Родбертус, труды И. Т. Посошкова, Н. А. Карышева, А. Чупрова, А. Н. Энгельгардта, В. П. Воронцова, И. И. Каблицы, Н. В. Калачева. Особенно меня увлекли труды, относящиеся к истории русской общины и артели.

Для общего развития Андрей Тихонович советовал мне читать как можно больше художественной литературы – от античности и Средневековья до наших дней, что я с удовольствием и делал. Я записался сразу же в несколько библиотек. Особенно мне нравилось заниматься в исторической

библиотеке недалеко от Ивановского монастыря, а также в библиотеке Дома политического просвещения МГК КПСС на Малой Дмитровке. Последняя находилась в здании бывшего Купеческого клуба и включала фонды его библиотеки. Работать в ней было спокойнее, чем в исторической библиотеке. Именно здесь написаны мои первые научные работы.

В то время в библиотеках СССР было легче получить труд западных философов, чем христианскую литературу, которая выдавалась только по специальному разрешению. Для того, чтобы прочесть Библию, я должен был идти к ректору с просьбой подписать письмо-ходатайство на выдачу мне священной книги. Зато без всяких проблем выдавались труды философов антихристианского направления, например, Ницше, Шопенгауэра, Гартмана, Фрейда.

Достать нужную книгу было нелегко – только через букинистов и книжных маклеров. Букинистические магазины 60—70-х годов – особый мир, клубы по интересам. У каждого книжника завязывались свои знакомства с букинистами. Для меня это был Николай Николаевич из магазина в Столешниковом переулке. Он любил выпить, но дело свое знал хорошо. С его помощью я подобрал редкие тогда книги Соловьева, Хомякова, Данилевского, а главное, Русский биографический словарь в 25 томов, Московский некрополь и путеводитель по русским монастырям Павловского.

В проезде Художественного театра существовал магазин «Пушкинская лавка», в нем управлял Семен Израилевич,

воинствующий сионист и русофоб. Он почти демонстративно не принимал книги русского направления. Зато у него можно было приобрести книги западных философов. Меня он знал и не любил. Вокруг него постоянно крутились еврейские маклеры, скупавшие у него редкие книги для перепродажи.

От общественной деятельности в ВООПИК я отошел, хотя время от времени со старыми приятелями ездил на экскурсии по разным достопамятным местам, монастырям и усадьбам. Страсть к знаниям, науке, исследованиям начала занимать главное место в моей жизни. По-настоящему с этой страстью могла соперничать моя любовь к книгам. Большую часть своей стипендии я тратил на книги. Помню, своей первой стипендией распорядился так – пошел со своей девушкой в кафе «Метелица» на Новом Арбате, где выпили шампанского за успешное окончание сессии, а потом прошлись по букинистическим магазинам, в одном из которых я купил собрание сочинений Шиллера в издании «Академия» и двухтомник сочинений Адама Смита. Эти книги составили начало моей личной библиотеки. Гуляя по книжным магазинам, мы не забывали целоваться.

Мои студенческие подружки Таня, Нина, Маша, Вера, Оля – особая часть институтской жизни. Перебирая письма, записочки, присланные на лекции стихи в запечатанном конвертике, возвращаясь к чувствам наполненности жизни и свойственному тем годам ощущению ее бесконечности и

животной радости. Так уж получилось, что все мои подружки студенческой поры были не москвички. Я им очень благодарен, они много открыли для меня в понимании сложности человеческих отношений. Они несли в себе то, что почти невозможно было найти в Москве. От этих встреч осталось чувство свежести и чистоты. Почти все они хотели продолжения нашей нежной дружбы, а я, не понимая, как ранил их, как мотылек летел вперед, не оглядываясь. Тем не менее я считал, что эти встречи обогащают нас взаимно искренностью чувств, хотя с моей стороны и поверхностных. С позиции сегодняшней понимаю, что вел себя как язычник. Так меня в шутку однажды назвала бабушка Поля, удивлявшаяся, как я, еще вчера восхищавшийся Ниной, сегодня гулял с Машей. Некоторые романтические встречи побудили меня заняться «стихотворством». С Машей и Олей я на лекциях переписывался в стихах. Сочинял я их в духе Есенина. Одно время очень увлекся и даже занялся переводом на русский язык любовной лирики Байрона. Целый пласт поэтических увлечения у меня был связан с переводом стихов Уолта Уитмена. Верхом моего поэтического «творчества» стал перевод поэмы Стивенсона «Вересковое пиво»:

Давным-давно из вереска
Варили горцы пиво,
Забористое здорово
И сладкое на диво.

В первые студенческие годы учебы в институте я еще поддерживал отношения со старыми друзьями, но постепенно наши дороги разошлись. В институте складывались новые знакомства. В конце третьего курса у меня появился новый друг Саша Матвеев из Сергиева Посада. Наши взгляды на жизнь были близки. Как и я, он много читал, интересовался русской историей. У него был особый покровитель – одинокий, чудаковатый старик-историк Пылаев, рекомендовавший нам равняться на Суворова, которого считал образцовым русским человеком. Его кумиром в истории являлся издатель «Русского архива» славянофил Петр Иванович Бартенеv. В своих лекциях Пылаев старался не упоминать евреев, а если упоминал, то в ругательном смысле, особенно Троцкого, Зиновьева, Каменева. Из его уст на лекции я впервые услышал слово «жид». Однажды на лекции он зачитал отрывок из воспоминаний большевика А. В. Воронского, рассказывавшего о своем знакомстве с Бартеневым. Этот троцкист, комментировал Пылаев, пришел к Бартенеvu с желанием продать ему сомнительные книги. Познакомившись с ними, Бартенеv отодвинул их от себя.

«– Жиды, сударь, жиды! Не могу подписаться, не буду. Не надо мне жидовских книг.

Я заметил, что названные мной историки не жиды, евреи же – культурнейшая нация. Старик поднял ладонь, как бы отгораживаясь от меня, с силой перебил:

– Жиды-с! О культуре расскажу вам, молодой человек, по-

учительную историю. Подобно вам одна дама наслушалась речей о культуре. Куда ни придет, сейчас: культура, культура. Ее и спросили однажды, что такое культура. «Это, – ответила дама, – зверок такой, на крысу похож». Культуру-то культурнейшая дама с крысой смешала.

Обескураженный, я сказал Бартеневу:

– У меня есть отзывы газет и журналов о книгах, которые я вам предлагаю. Они все похвальные.

Бартенев заерзал на кресле, наклонился ко мне, сжал еще крепче рукою костыль.

– Все ваши газеты жидовские.

Забыв о цели своего прихода, промолвил:

– Есть разные газеты. По всей вероятности, вы не считаете жидовскими такие газеты, как «Новое время» или «Русское знамя».

Старик нимало не смутился.

– И «Новое время», и ваше «Русское знамя» тоже жидовские газеты. Не жидовских газет, государь мой, нет и не может быть. От газет пошли на Руси все беды: смута, бунты. Разврат, безобразие, хамство – все от газет ваших. В старину газет не было – жилось лучше. Я газет не читаю и вам заказываю: не оскверняйте рук ваших погаными листками, – дьявольское в них наваждение. Не губите себя, послушайтесь старика».

Зачитав эту цитату похолодевшей от удивления, а может быть, и страха, студенческой аудитории, Пылаев громко рас-

смеялся, а потом то ли с осуждением, то ли с одобрением сказал: «Вот каковы славянофилы» и резко перешел к другому вопросу. Впрочем, Пылаев недолго забавлял нас своими лекциями подобного рода. Довольно скоро старика отправили на пенсию. Несколько раз мы с Сашей посещали его в маленькой комнате в коммунальной квартире старинного двухэтажного дома прямо напротив Ивановского монастыря. Все его имущество составляли шкафы с книгами, которые он охотно давал нам читать, сопровождая цветистыми комментариями. От него я получил подтверждение еврейского происхождения Ленина, а также всех основных деятелей октябрьской революции, «которая, – по мнению Пылаева, – создавалась евреями для евреев».

Пылаев не мог спокойно слышать, когда при нем называли имя еврейского большевика, академика Исаака Израилевича Минца. «Более бездарного и нахального еврея я не встречал, – горячился Пылаев. – В наше время он фактически монополизировал русскую историческую науку. Местечковый еврей, в годы Гражданской войны участвовавший в массовых репрессиях русских людей (он был комиссаром, чекистом), скудное образование, никаких данных быть ученым-историком у него не было, при помощи главных еврейских большевиков захватил все ключевые места в советской исторической науке – зав. кафедрой СССР в МГУ и Высшей партийной школе, один из ведущих руководителей Института истории и т. д.»

Минц был учеником и последователем известного историка-русофоба Покровского. Минц, как и его учитель, считал, что крещение Руси было ошибкой, «прогрессивнее – заявлял он, – было бы принять иудаизм», хорошо было бы, если бы в н. XVII века поляки смогли бы окатоличить Русь – «опять же это было прогрессивнее для России». По мнению этих историков, в войне 1812 года «русские помещики напали на Наполеона» и вели себя как варвары в отношении цивилизованной нации. С особой ненавистью оба русофоба относились к русским патриотам. «Наука не имеет никаких оснований, – писал Покровский, – проводить резкую черту между «несимпатичным национализмом» и «симпатичным патриотизмом». Оба они растут на одном корне». В 30-е годы Сталин резко задвинул Покровского, Минц временно затаился, но подпольно продолжал свою антирусскую деятельность. Незадолго пред смертью Сталин задвинул и Минца, справедливо объявив его главой антипатриотического движения в русской истории. Из небытия обоих историков-русофобов возвратил Хрущев.

Именно Пылаев как-то незаметно подвел нас к мысли (это я понял гораздо позднее), что настоящий русский должен быть не просто православным, но и монархистом. Мы с Сашей к освоению этой мысли не были готовы. Однажды, когда мы пришли к Пылаеву в гости, он под большим секретом дал нам на неделю книжку в мягкой обложке – Серафим (Соболев) «Русская идеология» (София, 1934). Все, что бы-

ло написано в книжке, стало для меня откровением, но по-настоящему идеи этой книги проросли во мне только к концу 80-х годов.

Русская идеология, – писал владыка Серафим, – состоит в Православной вере и основанной на ней жизни русского человека во всех ее проявлениях. Эта вера была усвоена Русским Народом с самого момента его крещения как главное правило жизни, что свидетельствуется тем, что самыми любимыми книгами для чтения русских людей, помимо книги живота – Библии, были Жития Святых (Четыи Минеи). Но особенно о жизненности этой веры свидетельствовала святая иноческая жизнь в монастырях и благочестивая жизнь мирян, о чем говорит бесчисленное множество в России храмов и церковный быт наших предков, которым они открыто исповедовали свою веру, – их великие молитвенные подвиги и в храмах, и у себя дома, – их искреннее глубокое покаяние в грехах и чистота их православной веры. Архиепископ отмечает то дивное покровительство и заступничество, которое оказывал Господь Русскому Народу за его преданность Православной вере и стремление к святости, что то же, – к жизни, сообразной с этой верой.

Печальная сторона жизни Русского Народа – его отступление от Православной веры и прежде всего посредством усвоения им протестантизма. Не сразу произошло это отступление, а постепенно, начиная с Ивана III, со времени поступления на русскую службу немцев. Но особенно катастро-

фичным для России было отступление от Православной веры при Петре I, Анне Ивановне и Екатерине II. Этому несчастью содействовали противоцерковные реформы, которыми производилась ломка самой Православной веры.

Неверие продолжало сильно распространяться в России даже и в царствования последующих императоров, покровительственно относившихся к Церкви. Они уже не нашли в себе силы идти против всего русского интеллигентного общества, которое настолько удалилось от Церкви, что следовало не ее учению, а учению богоборческого гуманизма, давшего русским людям авторитет научности вместо Божественного церковного авторитета. Оно уже глубоко и сознательно стало воспринимать толстовское и социалистическое учения, яд которых почти беспрепятственно разливался по всей русской земле.

Раскрыв масштабы катастрофы, в которую повергло Русский Народ отступление от Православия, архиепископ Серафим делает вывод, что для спасения и возрождения России необходимо всем русским людям вернуться к этой вере, отвергнуть все еретические и богоборческие учения и положить в основу своей жизни учение православной Церкви и все ее уставы. Русские должны иметь веру аскетическую, живую, которая сопровождается всеми христианскими добродетелями; а вместе с нею – свято блюсти чистоту нашей веры во всей ее апостольской непорочности, чуждой всяких еретических учений. За это Господь пошлет им, как посылал их

предкам, внутреннюю перерождающую благодать Св. Духа, как Царство Божие в его дивных, благодатных проявлениях правды, мира и радости. К стяжанию этой благодати русские люди должны стремиться прежде всего как к своему небесному счастью, как к высшей цели своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.